

Ю. И. Литвинова,

магистр, Воронежский государственный технический университет

Т. Г. Чекменёва,

доцент, Воронежский государственный технический университет

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МАССМЕДИА НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматривается проблемы влияния средств массовой информации, в особенности сети Интернет, на процесс социализации личности в современной России.

Ключевые слова: социализация личности, массмедиа, киберсоциализация, деструктивный контент.

Ju. I. Litvinova,

master's degree student, Voronezh State Technical University

T. G. Chekmenyova,

associate professor, Voronezh State Technical University

TO THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE PROCESS OF SOCIALIZATION OF THE PERSONALITY IN MODERN RUSSIA

The article deals with the problems of the influence of the media, especially the Internet, on the process of socialization of the individual in modern Russia.

Key words: personality socialization, media, kibersotsializatsiya, destructive content.

С момента появления на свет младенцу как биологическому организму важно удовлетворять первичные врожденные потребности, собственный комфорт являются его основной заботой. Через определенное время у ребенка формируется комплекс установок и ценностных ориентаций, симпатий и антипатий, целей и намерений, норм поведения и ответственности, а также неповторимое видение окружающего мира. Индивид становится личностью.

Под социализацией понимается процесс усвоения индивидом основных элементов культуры: значимых символов, идей, ценностей, моделей поведения (социальных ролей), что является необходимым условием для его успешного функционирования в данном обществе. Иными словами, социализация — это процесс формирования социального «Я». На процесс социализации оказывает влияние все окружение индивида,

т. е. агенты социализации, такие как родители, родственники, сверстники в детском учреждении, образовательном заведении, массмедиа и т. д.

В современном информационном обществе массмедиа выступают важнейшим агентом социализации, влияющим на взаимодействие людей с социокультурным окружением. По словам немецкого социолога Н. Лумана, все знания об обществе и о мире, в котором живем, мы черпаем из массмедиа, при этом мы не можем полностью доверять этому источнику, подозревая, что нами манипулируют» [2, с. 9].

Любое информационное воздействие потенциально способно оказывать влияние на поведение человека, манипулировать индивидуальным и массовым сознанием. Способность человека противостоять негативному информационному воздействию обусловлена характером передаваемой информации, а также его особенностями как субъекта, так и объекта такого воздействия. Особое значение здесь имеет проблема информационной уязвимости молодежи, связанная с неустойчивостью ее системы ценностей и социальных установок, способных легко изменяться под влиянием внешних факторов, в связи с чем сознание молодежи легко поддается манипулированию со стороны массмедиа. В результате целенаправленного информационного воздействия политическое участие молодежи может приобрести деструктивную, радикальную или экстремистскую направленность. Возможность подобного побудительного воздействия на сознание молодежи требует особого внимания при разработке и реализации стратегий обеспечения информационной безопасности.

Одной из важнейшей составляющей социализации личности в информационном обществе является киберсоциализация, т. е. социализация в виртуальном пространстве. Киберсоциализация человека как локальный процесс качественных изменений структуры самосознания личности, происходит посредством использования ресурсов и коммуникации киберпространства с «виртуальными агентами социализации», с которыми человек контактирует, главным образом, в сети Интернет (в социальных сетях, в процессе переписки по электронной почте, на форумах, в чатах, блогах, телеконференциях и онлайн-играх и т. д.). На основе полученной из сети Интернет информации у человека формируется определенная система ценностей, происходит замещение реального опыта виртуальным. Это достигается тем, что индивид не только поглощает информацию, но и сам вовлечён в коммуникационный поток, тем самым, являясь активным агентом коммуникации, проходя через процесс социализации, большая часть которого происходит в киберпространстве. В виртуальном общении появляется возможность придерживаться спорных точек зрения, проявлять запретные в реальности агрес-

сивные тенденции, при этом человек начинает идентифицировать себя со своим виртуальным кругом общения.

За последнее годы накапливаются данные о том, что многие средства массовой информации оказывают все более деструктивное влияние на психическое здоровье населения, что вызывает озабоченность и тревогу медицинской общественности и широких слоев общества. В частности, мощный бесконтрольный информационный поток в сети Интернет, может не только направить энергию молодежи на преобразование мира, но и на его разрушение.

По данным социологического исследования, проведенного Московским государственным университетом, влияние прессы и электронных массмедиа как отрицательное оценили более 40 % респондентов, проживающих в Московском регионе. Согласно результатам опроса исследовательского центра РОМИР, большинство читателей газет и телезрителей (71,9 %) считают необходимой мерой введение информационного контроля над деятельностью массмедиа. 60 % респондентов считают неприемлемым демонстрацию в массмедиа насилия, жестокости и порнографии [3].

В 2001–2003 гг. в целях профилактики негативных воздействий массмедиа на учащихся, российские образовательные учреждения перешли в режим самообслуживания, создавая собственные газеты, журналы и т. д. Одной из мер противодействия негативному контенту является повсеместное внедрение в учебную программу спецкурсов и факультативов по «Медиаобразованию» [1].

В Воронежском опорном университете (ВГУ) на базе систем информационной безопасности работает «Кибердружина», которая занимается мониторингом регионального интернет-пространства, создает реестр деструктивных контентов и пытается автоматизировать эти процессы. Цель проекта – повышение информационной защищенности жителей Воронежской области, прежде всего молодежи, за счет мониторинга и противодействия деструктивному контенту в Интернете [4, с. 274].

В заключение следует отметить, что средства массовой коммуникации в различных сферах общества (политической, социальной, духовной) являются инструментом манипулирования как общественным сознанием, так и сознанием отдельного индивида. Особенно актуально это в отношении молодого поколения, которое еще не обладает достаточным уровнем образования и жизненным опытом, чтобы «фильтровать» информацию, предоставленную массмедиа. При этом мы не можем с полной уверенностью сказать, что массмедиа оказывают только негативное воздействие на процесс социализации личности. Необходимо научить молодое поколение извлекать только полезное и интересное,

а в этом должны помочь уже сформированные личности, в первую очередь родители и педагоги.

Библиографический список

1. Данилина А. А. Функциональная и жанрово-тематическая специфика школьных СМИ // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 126–140.
2. Луман Н. Реальность массмедиа // Отечественные записки. 2003. № 4.
3. Рожанский Е. Я – молодой! // Вольная Кубань. 2009. 15 янв.
4. Чекменёва Т. Г. Проблемы обеспечения информационной безопасности студенческой молодежи в образовательном процессе : опыт Воронежской области // Философия и культура информационного общества : тезисы докладов. СПб. : СПбГУАП, 2018. С. 271–274.

Н. А. Личак,

доцент, Ярославский государственный технический университет

Л. А. Тюкина

старший преподаватель, Ярославский государственный технический университет

ПАМЯТЬ И ВОСПОМИНАНИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются теоретические вопросы изучения таких дефиниций как «память» и «воспоминания», затрагиваются причины, почему исследования исторической памяти вызывают в настоящее время особый интерес в социуме. Исследователями отмечается важная роль механизмов в формировании исторической памяти в жизни государства-общества-церкви.

Ключевые слова: память, воспоминания, механизмы формирования памяти, государство, общество, церковь.

N. A. Lichak,

associate professor, Yaroslavl State Technical University

L. A. Tyukina,

senior lecturer, Yaroslavl State Technical University

MEMORY AND MEMORY LANE AS ESSENTIAL ELEMENTS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

The article deals with the theoretical issues of the study of such definitions as «memory» and «memory lane». It touches upon the reasons why the study of historical memory is currently of particular interest in society. The researchers noted

the important role of mechanisms in the formation of historical memory in the life of the state, society and church.

Key words: memory, memory lane, mechanisms of memory formation, state, society, church.

В традиционной для конференции парадигме «Государство – Общество – Церковь» прослеживается необходимость включения в обсуждение таких дефиниций как «память» и «воспоминание», которые на современном этапе входят в число ключевых категорий гуманитарных и социальных наук. Данная тема становится актуальной, во-первых, в связи с тем, что стране и миру происходят процессы исторической трансформации. Во-вторых, быстрая смена медиа технологий влияет на формирование новых интерпретаций научно-исторических фактов.

Зарубежные исследователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М. Хальбвакс и П. Штомпка, рассуждая о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном влиянии процессов социальных преобразований на представления об истории различных коллективов людей, выделяют в своих теориях, главным образом, содержание, закономерности, формирование и развитие коллективных воспоминаний.

Философ культуры Э. Ренан отмечал, что существование нации невозможно без общих воспоминаний, хотя и происходит коллективное забвение некоторых моментов прошлого [1, с. 15]. Социолог Э. Дюркгейм считал, что для сохранения стабильности общества и для того, чтобы его члены понимали историческую преемственность существования своей группы, они должны иметь определенную степень интеллектуального и мемориального конформизма своих членов [2, с. 58]. Для историка С. Чарновского герой является олицетворением социального единения и воплощением его важнейших ценностей, рассматривая данный вопрос, он приходит к выводу, что при помощи культа группа утверждает свое бытие и специфичность [2, с. 53].

По сути, социокультурные исследования памяти преследуют две точки зрения: они рассматривают социальный характер индивидуальных процессов памяти и анализируют память в группах. Работа французского социолога М. Хальбвакса играет ключевую роль в исследованиях, связанных с памятью и воспоминаниями. Психологи Ф. Бартлетт и Л. Виготски, ученый-культуролог А. Варбург и историки М. Блох и П. Нора также открыли важный доступ к этой области. Однако никто не изменил понимания памяти и воспоминания так фундаментально, как Хальбвакс, который сегодня также считается отцом социальных и культурных исследований памяти.

Феномен «социальной памяти» А. Г. Васильев, Ю. М. Лотман, К. Е. Рыбак, Е. В. Грязнова, О. Н. Астафьева и И. В. Кондаков рассматривают как хранение актуальной социальной информации и передачи её к будущему поколению. «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени... С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [6, с. 201–203], – упоминалось в исследованиях Ю. М. Лотмана. Культурная память – это способ создания реальности, инструмент социализации и идентификации различных социальных субъектов [3, с. 92]. Вместе с тем И. В. Кондаков считает, что политика государства не снижает интерес общества к своей истории, культурному наследию, а содействует толерантности культурному разнообразию и человеческому творчеству [5, с. 60]. А. Г. Васильев и К. Е. Рыбак настаивают на том, что представления о прошлом проходят постоянную трансформацию, что они являются не застывшей суммой исторических истин, а скорее, функцией от непрерывных социальных изменений [2, с. 60; с. 37].

Ученые вкладывают особое внимание в механизмы формирования исторической памяти, пытаются ответить на вопрос, почему одни события забываются, а другие воспроизводятся. Память не может воспроизводить события беспорядочно, комплекс определенных составляющих формирует её. Формирование образов прошлого, по мнению исследователей, является основным механизмом формирования исторической памяти [4, с. 134].

Следует выделить три важных процесса для формирования исторической памяти:

- 1) «забвение прошлого»;
- 2) различные толкования событий и фактов;
- 3) актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами.

Историческая память социально предопределена, она генерируется из различных источников, в том числе опирается на личный опыт, т. е. включает субъективную точку зрения, связанную с индивидуальными особенностями восприятия, интерпретацией исторического опыта, особенно событий «живой» истории, свидетелем и участником которой был человек. Индивидуальный опыт каждого отдельного человека очень обрывочен, поэтому исключителен и неповторим и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени, а значит, не может составлять основу, базис исторической памяти. Он должен наслаиваться, включаться в формируемое обществом историческое информационное пространство, дополнять его. В какой-то степени индивидуальный опыт, эмпирический багаж человека выполняет функции

контроля и сличения исторической информации, передаваемой другими каналами.

Основу исторической памяти человека и общества в целом создает та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится: образовательная система и медийная среда, которые в значительной степени контролируются существующей идеологией и рынком. К основным источникам исторической информации следует отнести историческую науку, искусство и литературу, личный опыт. Власть, гражданское общество и церковь выступают главными участниками, заинтересованными в контроле над исторической памятью. Именно данные институты в современном мире формируют «историческое пространство», представленное местами памяти, а также праздниками, годовщинами и другими механизмами актуализации и стимуляции исторической памяти [9]. Основная медиальная возможность любого воспоминания – автобиографическая память так же, как конститутивная, как, например, для формы социального воспоминания. Можно вспомнить только то, что передается в обмен с другими, и этот обмен требует среды (язык, знаки, жесты и т. д.).

Делая вывод, подчеркнем, что функция формирования памяти несет ответственность за воспроизведение исторических знаний и представлений, которые существуют в обществе. Аппаратами воспроизведения исторических событий выступают образовательная система и средства массовой информации, места памяти, устные коммуникации. Такие факторы, как информационные технологии (устные, письменные, аудиовизуальные и пр.), рынок, идеология (религия), которые определяют особенности информационной среды и культуры общества, испытываются на механизмах исторической информации и передачи этой информации.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
2. *Васильев А.* Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // *Фундаментальные проблемы культурологии* : сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. М., 2009. Т. 6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему.
3. *Грязнова Е. В.* Социальная память как элемент культуры // *Человек и культура*. 2015. № 1.
4. *Дмитриева О. О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 6.
5. *Кондаков И. В.* Культурология: История культуры России. М., 2003.

6. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992.

7. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589>

8. Рыбак К. Е. Современные проблемы регулирования музейной деятельности // Культура: управление, экономика, право. 2005. № 4. С. 37–39.

9. Erll Astrid / Nünning Ansgar (Hrsg.). Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität, Kulturspezifität, Berlin, 2004.

Т. И. Лузина,

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Кризисная ситуация в духовной сфере стимулировала творческие интенции религиозной интеллигенции в России начала XX в. Интеллектуалы-богоискатели, увлеченные идеей обновленного христианства, опирались на духовные приоритеты и стремились к созданию нового мира.

Ключевые слова: культура, религия, русская интеллигенция, христианство, Православная церковь.

T. I. Luzina,

associate professor, St. Petersburg State University

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SEARCHES IN RUSSIAN CULTURE OF XIX–XX CENTURIES

The crisis situation in the spiritual sphere stimulated the creative intentions of the religious intellectuals in the Russia of the early XXth century. The God-seeking intellectuals, keen on the idea of renewed Christianity, relied on spiritual priorities and sought to create a new world.

Key words: culture, religion, Russian intellectuals, Christianity, Orthodox Church.

Известно, что рубежи эпох часто выступают сложными и противоречивыми этапами исторического пути, что непременно отражается в характере идей и в мировоззрении в целом. В российской истории и русской культуре таким периодом стал рубеж XIX–XX вв., насыщенный потрясениями социально-экономического и политического характера, и

отличающийся кризисной ситуацией в духовной сфере общественной жизни. Это было время напряженных духовных исканий.

Религиозно-философские искания русской интеллигенции начала XX века оцениваются в рамках одного из значительных в культурной истории России явлений, получивших название «русского духовного ренессанса». Для видных деятелей русского религиозного возрождения осмысление отечественной истории и реалий современной им культуры было сопряжено с представлением об особом «религиозно-национальном» пути России, который сохранял бы традиции православной религии и народного быта. Не отказываясь от культурного наследия и ценностей христианства, российские интеллектуалы начала прошлого столетия начали уповать на появление новой религиозности, которая позволила бы человеку приспособиться к миру трагического и неподлинного бытия, как они полагали. Кризисная ситуация в духовной сфере стимулировала творческие интенции русской интеллигенции, опирающейся на религию и идеи Богочеловечества. История не повторяется, но обнаруживаемые в пространственно-временном развертывании истории параллели, позволяют неоднократно апеллировать к прошлому опыту мысли, исследуя характер идейных исканий и формируемое поисками содержание мировоззренческих ориентаций.

Радикально настроенные представители религиозно-философской мысли начала прошлого века: петербургские интеллектуалы и творцы новой религии – Д. С. Мережковский и его единомышленники – искренне полагали, что новое религиозное мышление крайне необходимо для культурного развития человечества. Богоискатели из среды интеллигенции стремились найти применение своим теоретическим замыслам в отношении грядущих культурных преобразований. Их любовь к Богу и мечты о светлом будущем, напряженное искание Царства Божьего и жажда Богочеловеческого пути развития, религиозное беспокойство и надежда стать реальной силой истории были попытками выхода из создавшегося мировоззренческого тупика. Они верили в то, что культуры нет без религии, и жизни нет без Бога и ценностей подлинного христианства. Вместе с тем теоретическое самоопределение богоискателей-интеллектуалов несло груз ряда констант российской ментальности: церковность, соборность, вселенскость. Русская верующая интеллигенция не мыслила себя вне православия, настаивая на необходимости Церкви, церковной организации.

Стоит отметить, что религиозные искания русской интеллигенции начала прошлого века, обращенные к внутреннему духовному миру личности как сущностному, свободному раскрытию религиозности, утверждали представления о «свободной церкви», подчеркивая, что

Церковь начинается там, где сердце человека общается с Христом. Суждения богоискателей о том, что человек как образ Божий, должен стать также его сотворцом, были в определенном смысле созвучны протонародным исканиям Бога, утверждавшим, что «Церковь не в бревнах, а в ребрах». В условиях нараставшего в России того времени политического противостояния русская религиозная интеллигенция, которая мыслила себя частью церковного народа, пыталась осуществить свою пророческую, как ей казалось тогда, миссию в духовном преобразовании общества на основе высокой нравственности и христианских ценностей. Интеллектуалы, люди «нового сознания», призванные, как они полагали, к подвигу на благо человека и всего человечества и должны утвердить в жизни абсолютные ценности и достоинства личности, стали активно объединяться в религиозно-философские кружки и общества. Можно упомянуть, что создание Московского Религиозно-Философского Общества памяти Владимира Соловьева было инициировано двумя молодыми тогда интеллектуалами – В. Свенцицким и В. Эрном, создателями появившейся в России в начале 1905 г. организации под названием «Христианское братство борьбы». Активисты Братства стремились перенести акценты борьбы «за хлеб насущный» на борьбу за внесение в жизнь человечества религии и христианских ценностей. В. П. Свенцицкий (1881–1931) – публицист, драматург, церковный писатель, после 1917 г. священнослужитель православной церкви – приобрел известность в религиозно-философских кругах Москвы и Петербурга начала XX в., благодаря своим способностям, умственным и проповедническим. Как религиозный мыслитель, Свенцицкий ратовал за религиозное освещение запросов и нужд современной ему культуры. Протоиерея Валентина Свенцицкого называют ныне Пророком Христовой Правды, находя возможным, показать необходимость изучения его творческого наследия, богатого идеями, созвучными проблемам современного мира. Петербургская интеллигенция стала инициатором проходивших в Петербурге с 1901 по 1903 гг. религиозно-философских собраний. Интересны РФС характеристикой основной проблематики религиозно-философских исканий российской интеллигенции начала XX в. Хотя цель РФС не была достигнута, они оставили заметный след в культурной истории России, обнажив целый ряд религиозно-философских проблем и сыграв существенную роль в плане концептуального самоутверждения позиции верующей интеллигенции.

Особая активность богоискателей-интеллектуалов была связана с утверждением «нового религиозного сознания» – доктрины, которая, по мнению ее создателей, способствовала преодолению конфликта между человеком и миром, обществом и личностью. Концепция «нового рели-

гиозного сознания» была поиском универсального идеала для всего человечества: единого, общего и вечного. Попыткой соединения с этим идеалом возможности содержательных перемен в личности и обществе. «Новое религиозное сознание» было нравственным учением, поэтому предлагало Православной церкви обратить существенное внимание на земную, «жизненную» сторону человеческого бытия.

Острое беспокойство, предчувствие страшных времен побуждало интеллигентское мышление к поиску спасения, которое виделось только в одном – в Боге. А к Богу нельзя прийти без Христа и нового религиозного сознания, – утверждал один из крупнейших деятелей русского духовного ренессанса, Д. С. Мережковский. Мережковский и его соратники, представители «нового религиозного сознания», всецело опираясь на христианскую мораль, устремились к осуществлению новой жизни – религиозной действительности. Самым важным и главным для них стала духовная свобода «религиозно-полноценной» личности, признание наивысшей ценностью человека.

Богоискатели придавали человеческой личности абсолютное значение. Нет ничего «интереснее» человека, заявляла интеллигенция. Интерес к человеку, забота о человеке и о качестве его жизни – одна из основных тем многогранного творчества богоискателей. Они считали, что целостность человека как личности проявляется в способности к творческой деятельности. Поэтому богоискатели-интеллигенты предлагали говорить о том, что христианская антропология должна преодолеть представления о пассивности религиозного субъекта, поставить вопрос о его творческой активности. Интеллигенция настойчиво заявляла том, что творчество возможно только благодаря свободному раскрытию религиозности, которая внутренне присуща человеку. Идею творческой свободы личности они выдвинули в качестве альтернативы идее «заключенности творения» православия. Полагая человека самой высшей ценностью, богоискатели считали одной из самых важных проблем – проблему свободы. Решение ее следовало найти в понимании отношений между человеком и Богом. Тема новой личности, проблема человека обсуждалась богоискателями из среды интеллигенции в контексте основной проблематики русской философии рубежа XIX–XX вв. Ратуя за религиозное возрождение Отечества, интеллигенты-богоискатели настаивали, что только от христианской общественности можно ожидать спасения. Они были убеждены в том, что религиозно-философское движение должно быть связано с общественно-историческими задачами своего времени и в этом залог его жизненности. Идеи религиозной общественности утверждались интеллигенцией наравне с проповедью религиозного освящения жизни и культуры. Христианство – это религия

любви, то есть общественности. Религия призывает всех людей к осуществлению Царства Божьего на земле, мира и согласия, а поэтому предполагает социальный прогресс и активное участие каждого в общественных преобразованиях. Для Мережковского идеалом религиозной общественности была теократия, понимаемая как «безгранично свободная» общественность, отрицающая любую внешнюю власть. Эта новая христианская общественность предполагала реформированную церковь, которая должна соединиться с духовно преобразованным на основе нового религиозного сознания обществом. Предчувствие наступления новой религиозной эпохи Духа выразилось у богоискателей из среды русской интеллигенции постановкой вопроса о том, возможна ли религиозная новизна в рамках исторического христианства? Стоит отметить, что богоискатели были людьми своего времени, и новое религиозное мышление формировалось в российских реалиях, определяющих интенции жизненного пути творчески одаренной и социально активной личности.

Круг вопросов, интересующих религиозно-философскую мысль начала XX в. и определяющих содержание религиозно-философских исканий выразителей «нового религиозного сознания», касался проблем взаимоотношений между религией, пространством культуры и миром в целом. Так определились темы размышлений и философской рефлексии – о Христе, Богочеловеке и Богочеловечестве, о мире как объекте религиозного восприятия и человеке как личности, о Церкви. Поскольку суждения богоискателей подчеркивали, что Бог – это любовь, а любовь – абсолютное утверждение жизни, то они предлагали осознать: понятие о Боге должно, в первую очередь, стать основанием для объяснения творческой активности личности. В их рассуждениях свобода «теономной» личности выступала важным аспектом в разрешении поставленных религиозно-философских проблем. Религиозный модернизм богоискателей начала прошлого века базировался на уже сложившихся концепциях самых ярких представителей религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. Характер религиозно-философских исканий был задан традицией историософских построений В. С. Соловьева. Восприняв идеи, связанные с разработкой им проблематики культурно-исторического творчества, русские интеллектуалы-богоискатели пользовались ими для утверждения значимости христианской религии и духовности, духовной жизни.

Л. В. Лукьянчикова,

доцент, Московский государственный юридический университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВЛАСТИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Представлен обзор исследований, посвященных вопросам взаимоотношений «общество» – «власть», в которых систематизированы достижения отечественной политико-правовой мысли, исторический опыт, современное состояние и перспективы развития народовластия в России.

Ключевые слова: народовластие, правовое государство, легитимность, гражданское общество.

L. V. Lukyanchikova,

associate professor, Moscow State University of Law

A STUDY OF THE PROBLEMS OF DEMOCRACY IN RUSSIA AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

The article presents a review of studies on the relationship between "society" and "power", which systematized the achievements of domestic political and legal thought, historical experience, the current state and prospects of development of democracy in Russia.

Key words: democracy, rule of law, legitimacy, civil society.

В отечественной науке на современной этапе исследования целого ряда специалистов в области теории, конституционного права, политических и правовых учений, политологии и философии посвящены проблемам народовластия и становлению в России гражданского общества, либо смежным темам, сопряженным с выявлением своеобразия взаимоотношений общества и власти.

Современный период характеризуется методологическим плюрализмом и расширением проблематики работ, напрямую или опосредованно связанных с проблемой народовластия, а также существенным пополнением междисциплинарных методов научного исследования. В числе приоритетных направлений изучения данной темы получили развитие вопросы права в контексте социального регулирования как явления цивилизации и культуры, как институционное нормативное образование, имеющее высокую общечеловеческую ценность. Теоретические, философские, социологические аспекты функционирования

политико-правовых институтов и их восприятие обществом на определенных этапах отечественной истории позволяют выявить взаимосвязь развития отечественной политико-правовой мысли и модернизацию в различных сферах государственной жизнедеятельности, как например, в работах В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой [5, 14, 15, 16].

Кроме того, научные исследования, в которых, в целом, или в отдельных включениях, освещается феномен народного суверенитета. Так, в продолжение работ, появившихся в эпоху «перестройки», а также с учетом развития общегуманитарной мысли, большое значение имеют труды С. А. Авакьяна, А. В. Иванченко, Л. Д. Козыревой [1, 12, 9].

Учеными отмечалось, что действующая Конституция (Конституция РФ 1993 г.), установила принципиально новое соотношение общественных и государственных начал в осуществление народовластия, что предполагает выработку принципиально новой концепции развития российской политической системы, основу которой составили бы многопартийность, состязательность идей и взглядов, разветвленная система согласительных процедур при выработке важнейших государственных решений. По мнению авторов, это неразрывно связано с институтами народовластия, разнообразными формами прямой и представительной демократии, механизмами прямой и обратной связи с населением [12, с. 113].

Здесь же укажем работу Л. А. Нудненко, в которой рассматриваются проблемы определения и содержания категорий многогранного явления «демократия»; вопросы соотношения демократии и легитимности, непосредственной и представительной форм. Интересной представляется авторская позиция в отношении исследования сущности демократии в двух аспектах: как совокупность нравственных, политических и правовых ценностей и как механизм их реализации. Ученым подчеркивается, что эффективность народовластия во многом определяется его легитимностью; равноправием всех субъектов политического процесса, действующих на основе закона; власть большинства при уважении прав меньшинства; приоритет прав человека над правами государства; определение возможного для общества и государства объема непосредственного волеизъявления сочетаемого с представительными его формами [11].

Также освещение институтов народовластия в настоящее время, проходит в рамках исследования концептуальных предпосылок возникновения и развития гражданского общества, проблемы его становления в России. В работах, например, Л. Ю. Грудцыной, О. И. Касич критический анализ содержания демократии в рамках политической и экономической теории и в отечественной исторической практике, позволил

авторам обозначить задачи и предложить пути поддержки и развития в современной России гражданского общества [3, 7].

Отдельного внимания заслуживают исследования, в которых, в ходе анализа отечественной правовой системы и непосредственных форм народовластия современности, представлен опыт их становления и правового регулирования в России в исторической ретроспективе. Например, в коллективном труде под редакцией Ю. А. Дмитриева учеными были рассмотрены основные модели прямого народного правления с учетом особенностей субъектов прямой демократии и организации системы власти и управления, выявленных форм народовластия по отношению друг к другу и к системе представительной демократии в отдельные периоды истории, а также к институтам прямой демократии в современном обществе [4].

Наконец, отметим современные работы о российском крестьянстве, которое всегда играло ключевую роль в социально-культурной эволюции страны. Изложенные в работах В. Б. Безгина, И. Е. Козновой, Г. В. Лобачевой крестьянские представления о мире, специфические черты ментальности, анализ социальных функций аграрно-крестьянское наследия в периоды глубинных политических, социально-экономических и культурных трансформаций позволяют выявить тенденции общественного движения, эволюции крестьянского участия в процессе государственно-правовых преобразований [2, 8, 10].

При критическом рассмотрении отечественного опыта народовластия и его непосредственных форм, ученые не всегда могли абстрагироваться от политизированной оценки советского опыта реализации демократических начал: социалистическое народовластие, зачастую, позиционируется как авторитарно-бюрократическая система управления обществом, с абсолютным преобладанием тоталитарных элементов. Высота потенциала народовластия в России, по мнению современных авторов, зависит от успешности правовых механизмов и реализации социально-полезных практик, основанных на, прежде всего, универсальных либеральных ценностях, свободной рыночной экономике, свободы личности и свободы слова [4, с. 17].

В то же время, в отдельных трудах признавалась необходимость учета специфических особенностей исторического развития России, не отрицая того положительного, что дает опыт развитых государств. Несмотря на глобализацию, заключали мыслители, мир не становится единым, влияние культурных традиций никуда не исчезает [6, с. 14].

Также отмечалось, что ключевые институты либеральной демократии, не имея корней в национальном опыте, стали подвергаться системному отторжению и значительная часть современной России во

многим сохраняет нравственно-психологические настроения крестьянского мира, в силу чего патриархальная культура не только часть прошлого, но и атрибут настоящего [13, с. 6; 10, с. 3].

Таким образом, исследовательский интерес к проблемам осуществления народовластия и совершенствования политической системы, является постоянным и востребованным. Многоплановость проблемы понятия и содержания народовластия предопределила широкий диапазон современных трудов, в той или иной степени освещающих поставленные вопросы с позиций разнообразия методик и подходов, включая опыт предшествующей советской эпохи в совокупности с достижениями дореволюционной отечественной школы и общемировыми тенденциями развития гуманитарной науки. Кроме того, учеными был уточнен и дополнен категориальный аппарат, систематизированы разной степени и объема достижения политико-правовой мысли, определены перспективы развития правового регулирования и осуществления народовластия в России. В центре исследований по-прежнему актуальным остается вопрос строительства правового государства, способного охранять права человека и обеспечивать подчиненность высшей власти народу. В числе значимых аспектов народовластия, мы наблюдаем обращение к его экономической составляющей: эффективное регулирование отношений собственности, по справедливому мнению ученых, является гарантом удовлетворения разумных потребностей и защиты интересов всех и каждого.

В целом укажем, что в современной России, где особенно необходим рациональный подход в организации народовластия и обеспечения преемственности его институтов, актуальным представляется обращение к отечественному опыту становления форм демократии, а также определению уровня осознанной заинтересованности населения в управлении государством, так как практика новейшего времени выявила бесперспективность механического заимствования и перенесения на российскую почву многих западных политических институтов. постижение истоков и содержания отечественной культуры властвования всегда было связано с поиском национальной идеи и конструирования «общенародной» модели политического развития, согласованными с органикой российской почвы и адекватными существующим вызовам цивилизации. Думается, что обращение к современным достижениям науки по выявлению и реализации общественных интересов позволит не только прогнозировать динамику социально-политического развития страны, но и учесть его положительную составляющую при совершенствовании механизмов народовластия в России.

Библиографический список

1. *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. 426 с.
2. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. ; Тамбов, 2004. 304 с.
3. *Грудцына Л. Ю.* Государство. Гражданское общество. Информация. М., 2014. 372 с.
4. *Дмитриев Ю. А., Журавлев А. Л., Комарова В. В., Мухачев И. В., Новиков Ю. А., Черемных Г. Г.* Народовластие в России : очерк истории и современного состояния / под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 1997. 294 с.
5. *Жуков В. Н.* Государство. Право. Власть: философия и социология. М., 2015. 591 с.
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М., 2011. 464 с.
7. *Касич О. И.* Концепция гражданского общества: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
8. *Кознова И. Е.* Историческая память российского крестьянства в XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005. 509 с.
9. *Козырева Л. Д.* Концепции народовластия в русской политической философии (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. ... д-ра филос. наук, СПб., 1999. 355 с.
10. *Лобачева Г. В.* Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. 34 с.
11. *Нудненко Л. А.* Теория демократии. М., 2001. 95 с.
12. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия / под ред. А. В. Иванченко. М., 2003. 300 с.
13. *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. 672 с.
14. *Фролова Е. А.* Проблемы теории и философии права. М., 2015. 304 с.
15. *Фролова Е. А.* Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. 304 с.
16. *Фролова Е. А.* История политических и правовых учений : учебник. М., 2017. 512 с.

М. В. Медоваров,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

А. Ф. ФИЛИППОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Статья посвящена становлению А. Ф. Филиппова как нового типа русского интеллектуала рубежа XIX–XX вв. Отмечены особенности его детства, юности, обучения в Московском университете, первые шаги в журналистике.

Ключевые слова: А. Ф. Филиппов, «Русское обозрение», Л. А. Тихомиров, А. А. Киреев, С. А. Рачинский, русский консерватизм, Московский университет.

M. V. Medovarov,

associate professor, State University of Nizhni Novgorod
named after N. I. Lobachevsky

ALEXEY FILIPPOV IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES: FORMATION OF AN RUSSIAN INTELLECTUAL

The article is devoted to the formation of Alexey Filippov as a new type of Russian intellectual in the late 19th – early 20th cc. Some features of his childhood, youth, learning in Moscow University, his first steps in journalism are noted.

Key words: Alexey Filippov, “Russkoe Obozrenie”, Lrev Tikhomirov, Alexander Kireev, Sergey Rachinsky, Russian Conservatism, Moscow University.

А. Ф. Филиппов (1869–1936) вошел в историю России как авантюрист с уникальной судьбой, колебавшийся в диапазоне от монархизма до большевизма и пытавшийся синтезировать в себе все противоположности. Однако при всей специфичности его биографии, ее можно рассматривать как отражение особенностей русских интеллектуалов нового поколения из разночинной среды, вступивших на поле общественной деятельности на рубеже XIX–XX вв.

В 1898 г. А. Ф. Филиппов писал: «Не рассчитываю быть знаменитостью, письма и бумаги которой усердно разыскиваются и исследуются» [12, л. 103]. Однако сейчас сложилась именно такая ситуация, и отсутствие личного архивного фонда мыслителя осложняет реконструкцию его биографии. Немногочисленные исследователи не уделили никакого внимания условиям становления Филиппова как публициста,

мыслителя, интеллектуала [2, 3]. Между тем эти условия показательные для характеристики провинциальной среды Российской империи последней трети XIX в.

Сын крещеного еврея-кантониста и белорусской служанки, Филиппов вырос в Мозыре и Могилеве в окружении иноверцев, целыми днями просиживал на праздниках у поляков, евреев, немцев. Особенно запомнился ему воспитатель – дерптский немец, русофоб Ю. фон Гюнтер [10, л. 3 об.–5; 14, л. 48 об.–50]. Характерно, что в своем первом письме к С. А. Рачинскому Филиппов будет лгать, утверждая: «Я сам из крестьян; прошел начальную школу, потом уездное училище, был в гимназии» [10, л. 197]. Обучение в гимназии он будет вспоминать как кошмар запретов, наказаний и мучений: «В годы нежной юности, вступив в гимназию, мы учили то, что было нам непонятно, недостаточно и неприятно, и не делали того, что детям полезно, необходимо» [26, № 2, с. 950]. Родители настраивали Алексея против гимназии, и он на всю жизнь вынес «беспрерывное сомнение в том, полезно ли то, что заставляет тебя делать, пригодится ли оно когда-нибудь» [26, № 2, с. 952]. Выручал лишь «кружок самообразования». В старости Филиппов будет описывать себя так: «Воспитанный в детстве на идеях высланного из Вятки за неблагонадежность тамошнего инспектора народных училищ – Шипова – в Могилев на Днепре, затем обработанный (в гимназии) кружком местного народовольца Аммона, сочинениями П. Лаврова, Флеровского, Чернышевского, статьями Л. Тихомирова в “Вестнике Народной воли”» [20, л. 2].

В 1889 г. Филиппов поступил в Московский университет и проучился там шесть лет. Он был шокирован зрелищем «вялых» и «бесчувственных» профессоров и студентов, имитировавших учебный процесс: «Попад в университет, мы горько обманулись в своих надеждах... Дух товарищества постепенно исчезает, светлые идеалы падают и заменяются соображениями более или менее низменного, практического свойства» [26, № 2, с. 955].

Филиппов добился в учебе немалых успехов: «Перед окончанием университета я был на самом лучшем счету у профессоров и в течение трех лет (на 1-м, 2-м и 4 курсе) получил три золотые медали по конкурсу за сочинения уголовного, гражданского права и финансов. Я был кандидатом на оставление при университете для подготовки к профессорской кафедре и два профессора... предлагали мне остаться при них, и если бы не неудачно выдержанный экзамен по двум главным предметам, я бы избрал карьеру адвоката, а не ученого. Все видели во мне больше последнего, чем желали, чтобы пошел по первому пути» [19, л. 39]. Филиппов получил серебряную медаль за сочинение об

уголовном праве по Соборному уложению и две золотые медали за работы об авторских правах и о налогах на алкоголь [13, л. 150].

К 1895 г. Филиппов знакомится с В. А. Грингмутом, А. А. Александровым, Л. А. Тихомировым, начинает писать статьи в «Московские ведомости» и «Русское слово». Первое известное упоминание А. Ф. Филиппова в источниках относится к 26–27 февраля 1895 г., когда А. А. Киреев (по просьбе В. И. Ламанского) провел две встречи с 15 студентами Московского университета, разъясняя им свое понимание славянофильского учения [26, № 2, с. 963]. Отмечая невежество юношей в области философии, генерал в своем дневнике отметил двух из них, наиболее пытливых идеалистов: некоего Ерёмину и А. Ф. Филиппова, которого он охарактеризовал так: «Молодой симпатичный человек. Умный и несколько самоуверенный. Сын Преображенского *солдата*, а *self-made-man*» [8, л. 11]. Сразу после этого генерал писал Тихомирову: «Филиппов, судя по письмам, молодой восторженный славянофил, поклонник православия, самодержавия и народности, очень симпатичный, очень молодой. Он говорит, что он не один, что у него есть единомышленники, но что они заброшены» [1, л. 48–49]. Уже в мае 1895 г. Филиппов дважды писал сестре Киреева – О. А. Новиковой о своих контактах с ее братом, высылавшим ему оттиски своей статьи, и излагал собственные грандиозные планы издания серии брошюр в духе русского консерватизма. Обращает на себя внимание произошедший после бесед с Киреевым раскол в студенческом кружке на либералов и славянофилов [16, л. 40; 18]. В свою очередь, Киреев писал Тихомирову: «Пожалуйста, пристройте как-нибудь Филипповых и Ко к делу, а то у них *вся энергия уйдет в слова!* У них ничего не установилось в голове, всё это *народ самонадеянный!* Требуется водительства, но и ласки, ободряющего слова» [1, л. 57]. Известно, что рекомендательное письмо от Киреева, написанное в 1896 г., Филиппов использовал лишь в декабре 1898 г. [13, л. 151] Зная, что именно Киреев и его сестра в свое время «вывели в люди» В. С. Соловьева и Л. А. Тихомирова, молодой публицист решил оказаться в этом же ряду. Сам по себе данный путь обретения публичности молодыми интеллектуалами в России при покровительстве авторитетных старших публицистов весьма показателен.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в годы учебы в Москве Филиппов записался в Румянцевскую библиотеку, где в 1892–1893 гг. примкнул к окружению Н. Ф. Федорова, совершенно неизвестного тогда публике. Именно Филиппов в 1896 г. первым опубликовал в газетах заметки о подвижнической деятельности скромного библиотекаря Федорова, после чего тот разгневался и назвал своего ученика «бесстыдным» и «славянофилом по недоразумению» [23, с. 321]. В конце концов,

«дорогой патриарх» не выдержал и в ответ на лъстивое письмо Филиппова ответил ему: «Нет в Вас ни веры, ни неверия, потому что нет в Вас ничего, совсем ничего» [24, с. 486]. Однако и в дальнейшем Филиппов вынашивал планы издания сочинений Федорова, оставшиеся неосуществленными [24, с. 423, 484; 25, с. 420, 429–433].

Появившись в числе сотрудников «Русского обозрения» в 1895 г., А. Ф. Филиппов давно чувствовал неудовлетворительность ведения дел редактором А. А. Александровым. Филиппов будет вспоминать их планы спасения журнала от краха: «Было много юношеского задора... Будь я жестоким от начала до конца и руководствуйся в своей деятельности и жизни принципами личного характера, я... не занимался бы таким бесплодным делом, как издание консервативного журнала в России» [17, л. 14–15].

На протяжении 1897 г. в журнале публиковались отрывки из воспоминаний Филиппова за время его обучения в Московском университете [26]. Публикация мемуаров 28-летнего автора (считавшего себя, правда, уже «стариком») для журнала, известного изданием воспоминаний классиков русской литературы и истории, была событием уникальным. Воспоминания Филиппова, безусловно, относятся не только к его личному опыту: во многом они состоят из размышлений о положении студенческого самоуправления в российских вузах вообще, из сравнения опыта различных региональных и национальных землячеств и т. п. Целью своих записок автор называл «набросать беглыми штрихами общую картину положения современного студенчества в материальном и нравственном отношениях», претендуя на направление молодежи «к добру и правде» [26, № 2, с. 949]. Глубокий социологический анализ разных групп студентов сочетался у Филиппова с противопоставлением сплоченности нерусских национальных групп студентов и космополитизма и неорганизованности русских [26, № 3, с. 367–368, 383–387]. Беспощадными красками обрисовал Филиппов тиранию «либерального» мнения среди студенчества [26, № 4, с. 886–887; № 5, с. 390–395], завершая свой цикл призывом превратить университеты в России из государственных учреждений в общественные [26, № 12, с. 726–727].

Филиппов воспринимал себя как журналиста нового типа, как обновителя и реформатора консервативной прессы. В 1899 г. он призвал В. В. Розанова и П. П. Перцова совместными усилиями «создать политическое, национальное учение; схему, которая бы заключала в себе развитие народа в чисто-русском православном духе и была бы не лишена практичности» [19, л. 44 об.; 21, л. 1]. Обращаясь спустя год к В. Г. Короленко, он доказывал и ему, что ставит своей целью «доработать» русский народ до уровня более культурных и сплоченных; это

открыто декларировалось и в тексте объявления о возобновлении журнала [9, л. 3 об., 10]. У С. А. Рачинского Филиппов испрашивал благословения на «Русское обозрение», сравнивая свое дело с послушанием инока и хвалясь такими своими качествами, как «вера в дело, как в служение народу... а не способ наживы, и вера в себя, доходящая до самомнения» [10, л. 224 об.–225; 15, л. 128]. Умиравшего Л. Н. Майкова он убеждал в том, что цель его журнального предприятия – «восстановить при помощи лучших русских сил журнал национального характера» [22, с. 41]. Эта цель будет звучать в редакционной статье Филиппова в 1904 г.: «Редакция журнала делает новую попытку объединить в чисто русском журнальном предприятии разрозненные литературные русские силы и дать русскому обществу действительно русский орган, независимый от кружков и партий, свободный от чуждых нам наслоений и настроений» [27, с. 1]. Всё это сопровождалось долей самомнения наряду с демонстративным самоуничижением: «Не признавая себя талантом ни в одном отношении, я полагаю, что мог бы оценивать и, главное, вызывать к жизни таланты других своей внимательностью. Так безмозглые няньки успевают как-то выращивать и направлять на добрый путь способных питомцев» [13, л. 41].

Дальнейшая издательская деятельность Филиппова в 1898–1903 гг. (попытки издания учебника истории для школ, церковной газеты «Колокол духовный», покупка «Русского обозрения» и выпуск двух номеров журнала за пять лет на фоне прогремевшего на всю Россию скандального судебного процесса об алиментах) рассмотрена в наших статьях [4–7]. Опуская анализ оценок Филиппова его современниками рубежа XIX–XX вв., отметим, что он с самых первых своих шагов в русской журналистике и общественной жизни стал возмутителем спокойствия и представителем нового поколения русских интеллектуалов, умело пользующихся открывающимися возможностями приобрести известность в высших эшелонах власти и привнести не столько новые идеи, сколько новый стиль ведения общественной полемики. Воздействуя на читателя нестандартной композицией, сочетанием текста и нот, особым цветом обложки, а не просто содержанием журналов и книг, Филиппов стал одним из первопроходцев стиля модерн в России.

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф. 634. Д. 101.
2. *Кривошеева Н. А.* «Всецело приспособление к духу времени». Первый советский разведчик А. Ф. Филиппов // Вестник ПСТГУ. II : История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II: 3 (32). С. 70–98.

3. *Лебедев С. К.* Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир и чекист // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 153–171.
4. *Медоваров М. В.* А. Ф. Филиппов и возобновление журнала «Русское обозрение» (1898–1904 гг.) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 27–33.
5. *Медоваров М. В.* А. Ф. Филиппов как редактор и издатель (1899–1914 гг.) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. научных трудов. СПб. : Российская национальная библиотека, 2018. Вып. 19. С. 238–244.
6. *Медоваров М. В.* Деятельность А. Ф. Филиппова в служении Русской Православной церкви // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVII Международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2018. С. 103–109.
7. *Медоваров М. В.* Попытки возобновления издания журнала «Русское обозрение» глазами Льва Тихомирова и «дело Пирамидовой» // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 3 (34). С. 42–51.
8. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 12.
9. ОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 35. Д. 35.
10. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100.
11. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 101.
12. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102.
13. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 103.
14. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 106.
15. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 116.
16. РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 650.
17. РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 765.
18. РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 814.
19. РГАЛИ. Ф. 419. Д. 727.
20. РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797.
21. РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. Д. 1473.
22. РО ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 1049.
23. *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Традиция, 1997. Т. 3.
24. *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Evidentis, 2005. Т. 4.
25. *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений : в 4 т. Дополнения. Комментарии к т. IV. М. : Традиция, 2000.
26. *Филиппов А. Ф.* Московское студенчество. 1889–1895 (Из записной книжки) // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 947–976 ; № 3. С. 365–393 ; № 4. С. 876–889 ; № 5. С. 382–399 ; № 10. С. 801–832 ; № 12. С. 685–727.
27. *Филиппов А. Ф.* От редакции // Русское обозрение. 1903. № 1. С. I–IV.

С. В. Меньков,

ассистент, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

**СОВЕТСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИОННАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НА АЛТАЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.: «КОМСОМОЛЬСКОЕ
РОЖДЕСТВО» И «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПАСХА»**

Статья посвящена идеологической борьбе с религиозными праздниками на Алтае. Рассматриваются задачи и методы борьбы с религиозными праздниками. Советская власть пыталась заменить православные праздники на новые революционные, а для борьбы с особо празднуемым населением Пасхой и Рождеством были введены их комсомольские аналоги.

Ключевые слова: Государственный праздник, Алтай, праздничный календарь, антирелигиозная пропаганда.

S. V. Menkov,

assistant, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

**SOVIET FESTIVE CULTURE AND TRADITIONAL RELIGIOUS
FESTIVE RITES IN THE ALTAI REGION
IN THE FIRST HALF OF THE 1920s: «KOMSOMOL CHRISTMAS»
AND «KOMSOMOL EASTER»**

The article is devoted to the ideological struggle with religious holidays in the Altai region. Tasks and methods of fight against religious holidays are considered. Soviet authorities tried to replace the Orthodox holidays at the new revolutionary, but to deal with a particularly celebrated Easter and Christmas, the population of Komsomol analogues were introduced.

Key words: Public holiday, Altai, festive calendar, anti-religious propaganda.

Введение новых праздников в послереволюционной России не могло не сопровождаться трудностями, которые были связаны главным образом с противодействием населения. Основной проблемой в этой связи становится борьба с религиозными праздниками.

Советская власть понимала, что невозможно в одночасье лишить православную церковь могущественного влияния, которое формировалось столетиями. При этом необходимость в этом была острая. Новой «религией» советского народа должен был стать коммунизм, и места религиозным догмам в ней не было [7, с. 98]. К тому же отношение служителей культа к новой власти в большинстве своем было негатив-

ным. Перед советским государством стояла важная задача – вытеснить церковь не только из повседневной жизни общества, но и из «умов». В содержании антирелигиозной работы делался упор на разъяснение «темного» происхождения религии, ее несовместимости с наукой и убеждение населения, что религия исчезнет с ростом знания и власти человека над природой и условиями общественной жизни [15, с. 192].

В Алтайской губернии в 1920 г. с установлением советской власти практически заново начинается работа по отделению церкви от государства. Главной задачей агитационно-пропагандистской работы являлось политическое просвещение общества и борьба с религиозными догмами [1, с. 71]. Газета «Красный Алтай» от 17 сентября 1920 г. опубликовала статью «Христианство и коммунизм», где сравниваются православие и коммунистическое учение. Христианство описывается как учение о загробной жизни, «где хорошо будет страдавшим на земле и плохо – наслаждавшимся», изменившее своим первоначальным установкам – непримиримости к богатым, ставшее «орудием государства» и способствующее закреплению свободных крестьян [14]. Коммунистическая теория, по словам автора заметки, возникает в противовес христианству и представляет собой «учение об устройстве настоящей жизни на земле» и все в нем «для живых, а не для умерших» [14]. Важнейшей отличительной чертой этих доктрин является то, что православие проповедует непротивление злу, а коммунизм ведет «самую беспощадную борьбу» с этим злом, и рабочий уже «не подставляет правой щеки, когда его бьют по левой» [14].

Основные установки по проведению антирелигиозной пропаганды диктовались правящей партией [12, 13]. Так, в письме отдела пропаганды ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» в 1921 г. отмечается, что: 1) работа должна ставиться так, чтобы она не обостряла чувств верующих и не давала повода говорить, что «мы преследуем людей за веру». 2) в крестьянской среде необходимо избегать «методов простого грубого издевательства над попами», которые только не достигают цели, но «озлобляют верующего крестьянина» и делают его «не податливым на антирелигиозную пропаганду» [12, л. 17].

Директивы центральной власти развивались и конкретизировались местными партийными органами. Так, на заседании коллегии Алтайского губернского комитета РКП(б) от 12 декабря 1922 г. утверждались основные направления антирелигиозной кампании в губернии в связи с рождественскими праздниками. Они включали в себя организацию антирелигиозного кружка при Марксистском клубе и Агитпропе, чтение силами молодежи тематических докладов на собраниях беспартийных, постановку многочисленных инсценировок, концертов, живых

картин антирелигиозного характера к рождественским праздникам. Особое внимание требовалось уделить новогодним елкам в детских домах «имея целью устранение религиозного момента» [2, л. 39].

Более конкретно были сформулированы предписания по проведению антирелигиозной кампании в инструкции Уездного Комитета РКСМ г. Бийска за 1923 г. под названием «Против Рождества». «Противорождественскими вечерами» и антирелигиозными акциями планировалось охватить широкий круг предприятий и учреждений города: текстильную фабрику, железнодорожную ячейку, мельницу, крупорушку, пимокатные мастерские, табачную фабрику, коммуну «Единый Труд», кожзавод, маслодельный завод и школу подготовки комсомола [11].

В противовес антирелигиозным праздникам широко практиковалось проведение *антирелигиозных* торжеств. Так, статья в газете «Звезда Алтая», в качестве положительного примера рассказывает о праздновании Рождества в с. Верх-Ануйском. Автор подчеркивает, что в отличие от церковных гуляний «*пьяных* совсем не было», и, несмотря на плохие погодные условия (буран), на праздник приехали делегаты из ближних селений, был заслушан доклад о новостях в науке, вызвавший «массу вопросов и оживленные прения» и разработана программа на следующий день, включающая конференцию, кинематографический сеанс [6].

По схожему сценарию в соответствии с указаниями советской власти в Алтайской губернии проводились и антипасхальные кампании [13, л. 7]. Так, накануне Пасхи в 1923 г. в газете «Звезда Алтая» вышли статьи с объяснением сущности праздника и разоблачением христианской подоплеки, которая, как указывается, была искусственно привнесена церковью для «отуманивания верующих в целях господства над ними» [9]. Газета опубликовала специальную инструкцию по проведению антипасхальной пропаганды в уезде, в которой отмечалось, что «...прошедшее комсомольское рождество дало значительный шаг в области антирелигиозной пропаганды, но оно мало захватило массы. ... Поэтому необходимо углубить и развернуть антирелигиозную пропагандистскую работу, как в городе, так и в уезде» [5].

Согласно отчету о проведении «Комсомольской пасхи» рубцовского Укома РКП (б) за март 1923 г., в городе в ходе антипасхальной кампании было сделано шесть антирелигиозных докладов, на которых присутствовало 1145 чел., на протяжении всей «страстной недели» организовывались спектакли, концерты, которые также прошли «успешно» и посещались «оживленно». При этом отмечалось, что от волкомов не поступили сведения о проведении антирелигиозных акций в деревнях уезда, за исключением Ново-Алейской волости, где на устроенный

комсомольцами вечер на Пасху в Народном доме удалось привлечь «православных, прибывших в церковь» [3, л. 104].

О другой антипасхальной кампании в с. Яминское Бийского уезда сообщает газета «Звезда Алтая». Согласно статье, в селе был организован антирелигиозный вечер, проведенный в Народном доме, расположенном рядом с церковью. В открытое окно, обращенное к храму, поставили граммофон и народ хлынул на звуки граммофона, несмотря на то, что «поп кричал и угрожал», но никто не испугался «этой детской угрозы» [10]. Так был открыт антипасхальный вечер, на котором пелись антирелигиозные песни и читались стихи до трех часов ночи. Расходясь люди, как отмечается в корреспонденции, говорили: «Ну и подсадили же мы сегодня «святую» братию» [10].

Новые власти старались представить проведение религиозных праздников (Пасхи, Масленицы, Рождества, Троицы и т. д.) как вредный пережиток, показатель отсталости и невежества. Газетные публикации акцентируют случаи, когда народные гуляния заканчивались хулиганством и попойками.

В тоже время основным направлением агитационно-пропагандистской работы в это время была продналоговая кампания. Так, в отчете Рубцовского Укома констатируется, что «из-за продналоговой кампании культурно-просветительная работа за отсутствием сил слаба. Имеется три нардома, работа которых выражается исключительно в постановке спектаклей» [3, л. 150].

В тоже время в отчетах уездных комитетов, в частности, Змеиногорского за ноябрь 1921 г. указывалось, что «отношение населения к религиозным вопросам против коммунистическое. Случаев закрытия церквей не было» [4, л. 69]. Даже представители власти до конца не отказывались от религии. Как отмечает историк А. А. Мякотин, «возможно, в этом не было лицемерия. Подобные примеры нередко были проявлением «разорванности» внутреннего мира людей, живших в переходную эпоху» [8].

Таким образом, утверждению новых форм гражданской обрядности мешало и то, что в них недостаточно учитывалась конкретная социальная ситуация, и особенности быта людей, их психология. Некоторые советские праздники (комсомольская Пасха, комсомольское Рождество) были наскоро задуманы лишь в противовес соответствующим церковным ритуалам, носили характер кратковременной кампании, поэтому и не смогли стать постоянной формой празднования. Они носили чересчур шумный характер, а происходившее во время некоторых из них откровенное надругательство над церковными ценностями только отталкивало население.

Библиографический список

1. Бекаев Ю. Н. Антирелигиозная работа в сибирской деревне (1920–1929 гг.) // Культурное развитие советской сибирской деревни. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-2. Оп. 3. Д. 302. Л. 39.
3. ГААК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 97. Л. 150.
4. ГААК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 137. Л. 69.
5. Задачи комсомольской пасхи // Звезда Алтая. 1923. 31 марта.
6. Как мы проводили Рождество (с. В.-Ануйское) // Звезда Алтая. 1923. 16 янв.
7. Меньков С. В. Антирелигиозная пропаганда и ее роль в борьбе с традиционной праздничной обрядностью на Алтае в 1920-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. 2 (24).
8. Мякотин А. А. Религия в жизни русской деревни 1920-х годов. URL: http://www.ateismy.net/articles/history/%EAEligija_derevnja20.html.
9. Пасха, первое мая (передовая) // Звезда Алтая. 1923. 14 апр.
10. Поповское крещение // Звезда Алтая. 1923. 5 мая.
11. Против Рождества // Звезда Алтая. 1923. 4 янв.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 158.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509.
14. Христианство и коммунизм // Красный Алтай. 1920. 17 сент.
15. Шавлютова З. Ш. Борьба советской власти с религиозным сознанием населения Зауралья в 1920-е гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14).

О. Б. Молодов,

доцент, Вологодский государственный университет

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЗАПРЕЩЕННЫХ ГРУППАХ ПРОТЕСТАНТИЗМА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА

В период позднего социализма (1960–1980-е гг.) на территории областей Европейского Севера СССР действовали группы верующих различных направлений протестантизма, информация о которых представлена в материалах региональных архивов.

Ключевые слова: государство, религия, протестантизм, верующие, религиозные группы, контроль религиозности.

O. B. Molodov,
associate professor, Vologda State University

ARCHIVAL SOURCES OF THE PROHIBITED GROUPS OF PROTESTANTISM IN THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM

In the period of late socialism (1960–1980-ies.) in the regions of the European North of the USSR there were groups of believers of different directions of Protestantism, information about which is presented in the materials of regional archives.

Key words: state, religion, Protestantism, believers, religious groups, control of religiosity.

Протестантизм – обозначение совокупности вероисповеданий, генетически связанных с Реформацией, продукт движения «протеста», возникшего в XVI столетии, позднее сконцентрировавшегося на основных протестантских движениях (лютеранстве, кальвинизме, англиканстве) [17, с. 96].

Протестантские религиозные объединения второй половины XX в. довольно многообразны. На Европейском Севере СССР (имеется в виду Архангельская и Вологодская области, Коми АССР) в изучаемый период действовали немногие из них – только наиболее распространенные в стране и в мире. Пользуясь существующими подходами, эти общины и группы можно отнести к «позднему протестантизму» или к «модернистскому протестантизму» [25, с. 51], к которому в царской России причисляли так называемые «рационалистические секты». Легализация евангельских христиан, баптистов и адвентистов седьмого дня состоялась благодаря высочайшему Указу от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [22, с. 26–27]. Самым молодым течением стало пятидесятничество, появившееся в Российской империи в 1911–1913 гг., иногда ошибочно относимое к хлыстовству. В советское время произошло его догматическое и организационное оформление [22, с. 36–37].

Законодательство о культах СССР и РСФСР разрешало официальную регистрацию общин евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и адвентистов седьмого дня (АСД), не относившихся к «реформистам». Христиане веры евангельской-пятидесятники (ХВЕ) и Свидетели Иеговы были включены в список сект, «вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер» (ст. 23 Инструкции по применению законодательства о культах 1961 г.) [1, л. 72–81].

Контроль за деятельностью неправославных религиозных объединений возлагался на региональных уполномоченных Совета по делам религиозных культов (СДРК), созданного одновременно с Советом по делам Русской православной церкви при Совнарком (позднее – Совете Министров) СССР. В некоторых областях (республиках, краях, АССР), отличавшихся конфессиональным многообразием, действовали по два уполномоченных, пока в 1965 г. не появился объединённый Совет по делам религий (СДР). На территории Европейского Севера СССР, отличавшейся господством православия, в каждой области (АССР) с конца 1940–1980-е гг. имелись только уполномоченные СДРПЦ (с 1965 г. – СДР), поскольку в период позднего социализма официально зарегистрированные неправославные общины и группы были единичными [21].

В связи с этим, источниками для характеристики взаимоотношений государства с протестантскими общинами и группами являются материалы фондов уполномоченного СДР, сосредоточенные в региональных архивах Архангельской и Вологодской областей. Материалы соответствующих описей, доступных для исследователей, отличаются фрагментарностью, а их содержание отражает невысокую компетентность представителей областных и местных государственных органов (особенно в отношении протестантского вероисповедания), на которые возлагался контроль за религиозными проявлениями. Значительная часть архивных материалов касается наиболее многочисленного объединения протестантизма – евангельских-христиан баптистов, широко представленных в крупных городах и районных центрах Европейского Севера. В данной работе содержатся сведения о группах верующих, для которых была недоступна официальная регистрация и деятельность: пятидесятниках и Свидетелях Иеговы.

Христиане веры евангельской (ХВЕ, пятидесятники). При невозможности для ХВЕ получить официальную регистрацию, своеобразным выходом для верующих стал союз с баптистами, который произошел в середине 1940-х гг. на основе некоторых уступок в вопросах отправления культа. В частности, пятидесятники в рамках единых общин с ЕХБ отказались от глоссолалий. Поэтому в статистике религиозности в течение многих лет ХВЕ отсутствуют.

Первые упоминания о пятидесятниках в Вологодской области датируются началом 1970-х годов. Нелегальная группа ХВЕ существовала в Авксентьевском сельсовете Усть-Кубинского (позднее – Сокольского) района. Интересно, что «евангелисты» д. Петряевское данного сельсовета указаны в перечне групп ЕХБ (тоже «евангелистов») еще в 1959 году [15, л. 4]. Остальные данные о ней также весьма противоречивы.

В 1971 г. уполномоченному СДР поспешно доложили, что «секта не функционирует» [11, л. 185]. Однако 31 октября 1983 г. председатель Сокольского райисполкома вновь сообщает, что группа пятидесятников «прекратила свою деятельность в прошлом году» [10, л. 31]. В информации за 1977 г. впервые за много лет снова «всплывают» авксентьевские пятидесятники в количестве 7 человек [12, л. 1–2]. Видимо, все эти годы группа существовала, но действовала осторожно, не вызывая общественного резонанса и недовольства местных властей.

В 1973 г. группа ХВЕ из шести человек вышла из состава зарегистрированной общины ЕХБ г. Череповца, «под крылом» которой она функционировала, и стала самостоятельной [20]. Исследователи отмечают, что процесс автономизации групп пятидесятников стал массовым только в конце 1980-х годов. Группа под руководством А. М. Петрова, на чьей квартире и собирались верующие, уже в 1974 г. количественно выросла вдвое и оставалась активно действующей и стабильной до конца изучаемого периода [16, л. 5]. Её численность колебалась от 10 до 13 верующих. По информации местных властей, в 1980 г. собрания пятидесятников посещали военнослужащие строительных частей, расположенных в городе, а их командование не принимало к солдатам соответствующих мер [13, л. 5]. В справке 1989 г. отмечено, что 10 череповецких ХВЕ находятся «на списочном учете» [14, л. 2].

В Архангельской области документы уполномоченного СДРПЦ, а позднее СДР, отражают наличие нескольких групп пятидесятников: в 1962–1963 гг. – двух с общим числом в 18 человек, в 1965 г. – трех из 48 верующих, в 1970 г. – четырех [2, л. 10; 3, л. 5–6; 4, л. 5–6; 7, л. 15]. Местами «дислокации» групп ХВЕ являлись: г. Вельск (18–20 чел.), ст. Коноша (12 чел.), д. Коновская Устьянского района (15–16 чел.).

Информация о деятельности пятидесятников весьма скудна, несмотря на их активное противостояние с партийно-государственным аппаратом и правоохранительными органами. Известно, что в 1964 г. руководитель вельских ХВЕ Яровинкин (видимо, под давлением властей) отказался от обязанностей пресвитера и выехал в другую область [4, л. 7]. В этом же году бюро Архангельского обкома КПСС ставило задачу «парализовать деятельность сект, отвлечь сектантов от веры, вернуть их к сознательной активной трудовой деятельности и общественной жизни» [24, л. 93]. В работе по отрыву верующих от сект главное внимание обращалось на меры воспитательного характера [23, л. 123], реализовавшиеся, как известно, со значительной долей формализма. Позже в отчетах уполномоченного СПДР отмечалось, что «все сектантские группы находятся под контролем соответствующих органов» [6, л. 21]. Коллективные богослужения пятидесятников как

нарушения законодательства о культах указаны только однажды в 1984 году [9, л. 15–16].

Свидетели Иеговы в изучаемый период также относились к конфессиям, не подлежащим регистрации. В начале 1960-х гг. уполномоченным СДРПЦ по Архангельской области отмечается наличие двух групп иеговистов общей численностью 15 человек [2, л. 5–6]. На 1 января 1965 г. числится одна группа и 11 Свидетелей Иеговы. Однако единой группой их считать нельзя, поскольку верующие, «разбросанные» по различным уголкам обширной по территории области, проживали на момент составления справки в сотнях километров друг от друга: двое – в г. Архангельске, пятеро – в Красноборском районе, трое – в г. Котласе, один – в Коношском районе [4, л. 5–6]. Возможно, в связи с переездом верующих, в 1967 г. десять иеговистов «приписаны» к ст. Коноша, а остальные не упоминаются [5, л. 27]. На 1 декабря 1969 г. уполномоченный располагает информацией о коношской группе из десяти человек (на юге области) и «одиночках» из Приморского района и г. Северодвинска (на севере области, почти в 700 км от ст. Коноша) [6, л. 20]. В отчете 1983 г. упоминается иеговист Н. П. Адамовский и по несколько верующих в г. Архангельске и на ст. Коноша [8, л. 44].

Е. В. Дроботушенко, исследователь истории государственно-конфессиональных отношений в Сибири, объясняет несовершенство учёта количества религиозных объединений и групп протестантизма невысокой компетенцией и формализмом уполномоченных СДР, занимавшихся до объединения двух Советов в основном православными общинами и слабо разбиравшимся в специфике деятельности протестантов [18, с. 42].

Качественно новый этап истории взаимоотношений государства с религиозными организациями, в том числе протестантскими, официально наступил с 1990 г., когда были приняты новые законы СССР и РСФСР, регулирующие вероисповедные отношения. Однако первые проявления «смягчения» государственной конфессиональной политики стали заметными ещё в 1988 году, когда «перестройка» в общественно-политической жизни страны совпала с празднованием 1000-летия Крещения Руси. Изменение вектора взаимодействия властей с религиозными объединениями коснулись всех без исключения направлений протестантизма, избавленных с этого времени от тотального контроля и получивших возможность официальной регистрации и деятельности [19].

Таким образом, изучение истории евангельского движения на Европейском Севере СССР во второй половине XX в. находится на начальном этапе становления. Препятствиями для его всестороннего и объективного исследования являются неполнота и закрытость отдель-

ных архивных фондов и описей, а также законодательные ограничения допуска к материалам, содержащим персональные данные религиозных активистов, верующих и других участников государственно-конфессиональных отношений.

Библиографический список

1. Государственный архив Архангельской области (ГAAO). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98.
2. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 107.
3. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 112.
4. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 116.
5. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 132.
6. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 133.
7. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 144.
8. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 223.
9. ГAAO. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 227.
10. Государственный архив Вологодской области (ГABO). Ф. 897. Оп. 4. Д. 435.
11. ГABO. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 33.
12. ГABO. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 46.
13. ГABO. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 52.
14. ГABO. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 61.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 335.
16. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 970.
17. *Гренц С. Дж., Гурецки Д., Нордлинг Ч. Ф.* Теологические термины : словарь. Александрия : Ездра, 2006.
18. *Дроботушенко Е. В. К* вопросу о работе уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Читинской области во второй половине 60-х–80-е гг. XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 3. С. 38–45.
19. *Молодов О. Б.* Государственно-конфессиональные отношения в СССР на переломном этапе : (на материалах областей Европейского Севера) // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 95–99.
20. *Молодов О. Б.* Евангельские христиане-баптисты г. Череповца и их отношения с властями в период позднего социализма // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2018. № 2 (26). С. 155–160.
21. *Молодов О. Б.* Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на Русском Севере (1960–1980-е гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. № 1 (28). С. 242–248.
22. *Никольская Т. К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб., 2009.

23. Отдел документов социально-политической истории (ОДСПИ) ГААО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 485.

24. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 1092.

25. Чернышев В. М. Сектоведение. М.: Изд-во им. святителя Льва, папы Римского, 2010.

О. Н. Монахов,

профессор, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основе анализа мер по противодействию коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации определена необходимость формирования антикоррупционного поведения выпускников военных вузов. Представлена педагогическая стратегия формирования антикоррупционного поведения выпускников военных вузов, включающая цель, задачи, принципы, условия, технологии и критерии.

Ключевые слова: Коррупция, антикоррупционное поведение, курсанты, военные вузы, педагогическая стратегия.

O. N. Monahov,

professor, Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense

ABOUT PEDAGOGICHESKOY STRATEGIYA OF FORMATION OF ANTI-CORRUPTION BEHAVIOUR OF GRADUATES OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS FOR PREVENTION OF CORRUPTION IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

On the basis of the analysis of measures for anti-corruption in the Armed Forces of the Russian Federation need of formation of anti-corruption behavior of graduates of military higher education institutions is defined. The pedagogical strategy of formation of anti-corruption behavior of graduates of military higher education institutions including the purpose, tasks, the principles, conditions, technologies and criteria is presented.

Key words: Corruption, anti-corruption behavior, cadets, military higher education institutions, pedagogical strategy.

Противодействие коррупции является одной из важнейших государственных задач, решение которой включает комплекс мероприятий, определенных нормативными правовыми актами и государственными документами, в частности Национальным планом противодействия коррупции [3].

Анализ государственных документов по противодействию коррупции позволяет выделить наравне с мерами государственного принуждения и меры по ее профилактике. Отечественная концепция борьбы с коррупцией опирается на понимании того, что «коррупционером не рождаются», им становятся в результате существования в обществе и в государстве легитимных и нелегитимных норм и правил. Таким образом, на первый план выходит проблема формирования системы антикоррупционного поведения. Как справедливо отмечается учеными, распространенность коррупции в нашей стране достигла такого уровня, что наряду с репрессивными мерами детальной проработки требуют профилактика коррупции, реформа государственного аппарата и воспитание антикоррупционного правосознания [5].

Военная служба является особым видом федеральной государственной службы, при исполнении которой на граждан возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации. Следовательно, возникновение коррупционных правонарушений в воинской среде наносит ущерб обороне и безопасности государства.

Проведение в соответствии с Планом противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации на 2016–2017 годы мероприятий, в ходе которых особое внимание уделялось предупреждению коррупционных правонарушений, позволило снизить уровень коррупционной преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации на 12 % [4].

Для минимизации и ликвидации негативных последствий коррупционных правонарушений в Вооруженных Силах Российской Федерации (ВС РФ) Министерством обороны Российской Федерации (Минобороны России) осуществлена работа по правовому регулированию отношений в сфере противодействия коррупции, в результате которой был принят ряд ведомственных нормативных правовых актов по вопросам профилактики коррупционных и иных правонарушений.

Вместе с тем Минобороны России отмечает рост коррупционных преступлений, связанных с получением (дачей) взятки, совершенных должностными лицами звена взвод–батарея–рота [4].

На данные должности, как правило, назначаются выпускники военных вузов, адаптация которых к условиям военной службы происхо-

дит через принятие как легитимно установленных норм и правил военной организации, так и ненормативных форм.

В образовательном процессе военного вуза вопросы противодействия коррупции изучаются обучающимися в ходе освоения гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Как отмечают Гурьянчик В. Н. и Макеева Т. В. формирование устойчивой гражданско-патриотической и социальной позиции курсантов, гуманистических ценностно-смысловых ориентаций будущих офицеров является одной из основных задач кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин [1, с. 211]. Но в настоящее время наблюдается тенденция к сокращению объема гуманитарного образования будущих военных специалистов, в частности учебной дисциплины «Правоведение». Данная учебная дисциплина преподается на младших курсах, небольшое количество выделяемого учебного времени на ее изучение порой приводит только к правовому информированию курсантов, что непосредственно сказывается на качестве их правового образования и в итоге на уровне правовой культуры.

Анализ литературы по проблемам качества подготовки и образования будущих офицеров, опыта проведения занятий по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам можно прийти к выводу о том, что в настоящее время освещены вопросы антикоррупционного просвещения и воспитания военнослужащих, в то же время в современных условиях возникла потребность в теоретическом и методологическом обеспечении процесса формирования антикоррупционного поведения у выпускников военных вузов.

Программы специалитета, реализуемые военных вузах, включают дисциплины специализации, на освоение которых отводиться значительное количество учебного времени как раз на старших курсах, в том числе и на выпускном курсе. Организация, содержание и методики образовательного процесса на выпускном курсе военного вуза направлены, прежде всего, на обеспечение качества военно-профессионального образования курсантов, на формирование у них профессиональных и профессионально-специализированных компетенций. Соответственно, преобладает мнение о том, что курсант военного вуза к последнему году обучения уже обладает общекультурными компетенциями, которые позволяют ему достойно выполнять свой воинский и гражданский долг, осуществлять свою профессиональную деятельность в различных сферах общественной жизни с учетом принятых в обществе этических, морально-нравственных и правовых норм, соблюдать принципы профессиональной этики. Вопросы противодействия коррупции в ВС РФ для курсантов старших курсов обучения рассматриваются в ходе мероприятий правового информирования,

а элементы антикоррупционного просвещения отражаются средствами наглядной агитации, но эти меры не приводят к формированию устойчивого антикоррупционного поведения.

При назначении на первичные офицерские должности после окончания военного вуза молодым офицерам приходится выстраивать отношения в новой для них социальной среде, в которой поступок, содержащий признаки коррупционного правонарушения, может рассматриваться в качестве нормы. Так в ВС РФ в 2017 году почти половину (53 %) всех выявленных фактов взяточничества составили преступления, предусмотренные статьей 291.2 «Мелкое взяточничество» УК РФ[4].

Негативные тенденции в сфере противодействия коррупции в ВС РФ позволяют выделить противоречия в профессиональной подготовке выпускников военных вузов:

- будущие военные специалисты в процессе обучения в военном вузе получают знания в области противодействия коррупции в рамках учебных дисциплин гуманитарного цикла, но это не обеспечивает формирование устойчивых навыков и умений антикоррупционного поведения в служебной деятельности;

- существующая система антикоррупционного воспитания и просвещения обучающихся в военных вузах не способствует в должной мере формированию негативного отношения к коррупционным явлениям;

- при преподавании учебных дисциплин на выпускных курсах военных вузов в качестве планируемых результатов обучения не рассматриваются меры борьбы с проявлениями коррупции, формирование навыков противодействия коррупции в деятельности военнослужащих, формирование необходимой модели антикоррупционного поведения на военной службе.

Разрешение указанных противоречий будет способствовать разработке педагогической стратегии формирования антикоррупционного поведения выпускников военного вуза в процессе профессиональной подготовки.

Педагогическую стратегию следует рассматривать как запланированную совокупность действий научно-педагогических работников вуза, которая сообразна выработанным представлениям о педагогической цели и средствах ее достижения, обуславливающих получение желаемого результата [2, с. 19].

В качестве цели педагогической стратегии формирования антикоррупционного поведения выпускников военного вуза (далее педагогическая стратегия) следует рассматривать подготовку военного специалиста, готового реализовывать свои профессиональные и личностные свойства и качества в антикоррупционном поведении.

К задачам педагогической стратегии следует отнести:

- овладение знаниями правовых основ и основных мер по предупреждению коррупции;
- выработка навыков антикоррупционного поведения в условиях военной службы;
- воспитание негативного отношения к незаконной выгоде, устойчивой отрицательной оценки коррупции;
- формирование умений предотвращать и преодолевать коррупционно опасные ситуации и их последствия.

Содержание педагогической стратегии должно включать комплекс знаний, умений и владений, способностей, свойств и качеств личности, а также практического опыта в разрешении служебных и неслужебных ситуаций, содержащих признаки коррупции.

Педагогическая стратегия должна опираться на принципы: междисциплинарности; социальной обусловленности и научности; сознательности, активности и мотивированности; субъектности в формировании антикоррупционного поведения.

В качестве организационно-педагогических условий реализации педагогической стратегии следует рассматривать:

- пересмотр образовательных программ в интересах их более тесной увязки с процессом формирования антикоррупционного поведения выпускников военных вузов;
- организационно-педагогическое обеспечение процесса подготовки выпускников военных вузов к принятию адекватных решений в ситуации риска коррупционно-опасного поведения;
- участие представителей военной прокуратуры, военносудственных органов в формировании антикоррупционного поведения выпускников военных вузов.

Технология реализации педагогической стратегии представляет поэтапное формирование антикоррупционного поведения выпускников военных вузов: первый этап – формирование теоретических понятий и представлений о коррупционных рисках в сфере военной службы; второй этап – уяснение сущности задач противодействия коррупции; третий этап – овладение опытом антикоррупционного поведения при анализе коррупционных правонарушений; четвертый этап – осознание неконструктивных элементов и моделей коррупционного поведения и построение модели идеального антикоррупционного поведения.

В качестве критериев антикоррупционного поведения выпускников военных вузов будут выступать: принятие социального и личного смысла антикоррупционного поведения; сформированность

личностно-профессиональных качеств выпускника военного вуза, исключающих коррупционное поведение; умение воспринимать и анализировать ситуации в процессе военной службы с позиций морали и закона; владение опытом разработки стратегий решения различных служебных задач в условиях ограниченных ресурсов.

Предложенная педагогическая стратегия не претендует на исчерпывающее рассмотрение проблемы формирования антикоррупционного поведения выпускников военных вузов. Ее реализация должна осуществляться с учетом результатов мониторинга преступлений коррупционной направленности в ВС РФ.

В связи с подготовкой к реализации ФГОС нового поколения следует предусмотреть включение в перечень универсальных компетенций по подготовке военных специалистов такой компетенции, как способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций и определять легальную модель поведения.

Библиографический список

1. Гурьянчик В. Н., Макеева Т. В. Древнерусская литература как средство военно-патриотического воспитания курсантов // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны : науч. журн. / ЯВВУ ПВО. Ярославль, 2018. № 2. С. 209–2013.

2. Коноплянский Д. А. Педагогическая стратегия формирования конкурентоспособности выпускника вуза : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Кемерово, 2017. 39 с.

3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Состояние преступлений коррупционной направленности, связанных с получением (дачей) взятки, в Вооруженных Силах Российской Федерации 2017–2018 годах. URL: <http://stat.mil.ru/anti-corruption/violations.htm> (дата обращения: 20.12.2018).

5. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) : монография. М. : Юриспруденция, 2015. 192 с.

Н. И. Музафарова,

профессор, Московский городской педагогический университет

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И РЕЛИГИОЗНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (Социологические исследования)

Рассматриваются процессы религиозной и светской коммуникации студенческой молодежи на основе социологических исследований учащихся разных факультетов. Выясняется отношение студентов, к религиозной культуре и роли религии в современном обществе.

Ключевые слова: Религиозная коммуникация, студенческая молодежь, духовная культура, морально-этические ценности, вероисповедание.

N. I. Muzafarova,

professor, Moscow City Pedagogical University

STUDENT YOUTH AND RELIGIOUS COMMUNICATION (Sociological Research)

In the article the processes of religious and secular communication of student youth on the basis of sociological researches of students of different faculties are considered. The attitude of students towards religious culture and the role of religion in modern society is revealed.

Key words: Religious communication, student youth, spiritual culture, moral and ethical values, religion.

Вопросы воздействия религии на молодежь обусловлены формированием духовно-нравственного потенциала личности. Задачей современного общества является солидаризация общества – верующих и неверующих, приобщение их к духовным и материальным ценностям, накопленным многовековой историей народа. Значительную роль в сохранении культурного наследия сыграла религия, которая на протяжении многих веков влияла на морально-этические ориентиры людей и укрепления государства. С установлением Советской власти церковь утратила многие общественно значимые полномочия.

Распад СССР, взятый курс на рыночную экономику, отказ от государственной социалистической идеологии привел к натиску негативных влияний, навязанных зарубежными средствами массовой информации. Молодое поколение, тянувшееся ко всему новому, подверглось

целенаправленному «культивированию» и восприятию пороков: криминала, культа секса, насилия, грабежа, наркомании, свободных отношений, разрушение семьи, аморальных форм наживы, потере гуманистических нравственных ценностей и др. Так, значительная часть молодежи оказалась «в плену» кича. Такое состояние в обществе заставило управленческие структуры искать возможности ограждения молодых людей от чуждых и вредных влияний. Общественные деятели, истеблишмент один из каналов позитивного влияния усмотрели в религии. Религия как социальный институт и богатая духовная культура обладает уникальными способностями и возможностями повлиять на различные слои населения. В данной статье внимание уделяется религиозной коммуникации студенческой молодежи.

Рассматривая вопросы становления молодежи, нужно учесть воздействия на нее многочисленных каналов. Среди них есть позитивные (мировые религии) и негативные (тоталитарные секты), разобраться в которых молодым людям трудно. Министерство образования РФ решило использовать религию в воспитательных целях подрастающего поколения для выработки гуманистических и духовно-нравственных ориентиров.

Для апробации в 2012/13 учебном году в ряде школ был введен курс «Религиозная культура и светская этика». Предлагались для изучения и другие темы по выбору – истории религий, отдельные блоки: христианства (православия), ислама, буддизма, иудаизма. Предполагалось, что изучение названных дисциплин вызовет интерес и даст настрой учащимся на размышление о духовно-нравственных ценностях религиозной культуры, будет способствовать формированию этических норм человеколюбия, заботы о своей стране, способности противостоять злу, насилию и другим порокам. Проведенный опыт был одобрен, что дало возможность в дальнейшем расширить диапазон его преподавания в учебных заведениях.

Мониторинг, проведенный со студентами ГАО ВО МГПУ (Московского городского педагогического университета) со студентами разных факультетов: изобразительного искусства и дизайна (ИЗО), филологического, юридического, информатики, а также с магистрантами на протяжении ряда лет – с 2012 по 2018 гг. позволил сделать некоторые выводы о воззрениях обучаемых под влиянием светской и религиозной коммуникации. Исследования проводились выборочно и с интервалами, что дало возможность отразить происходящие изменения в учебно-воспитательной работе и общественной жизни.

В 2012 г. на факультете ИЗО было опрошено 72 студента из которых 83 % высоко оценили духовную и материальную религиозную

культуру, способствующую художественному образованию. Они высказались, что с интересом посещают храмы, культурно-исторические памятники и рассматривают религиозные артефакты как эталон для развития творческих способностей. О степени религиозности студентов трудно судить, поскольку большинство из них верующими себя не считали, но участвовали в религиозных праздниках. В церковных службах и отправлении таинств участвовали от 3 до 5 % респондентов. По результатам опроса можно сказать, что студенты индифферентны по отношению к церковным службам, а православные традиции воспринимали как культурное наследие народа.

Рассмотрим некоторые высказывания студентов об изучении религиозно-научных дисциплин. Студентка филологического факультета Андрианова А. говорила, что ее первоначальная религиозная коммуникация проходила на бытовом уровне, поскольку она росла в православной семье. В школе она изучала курс «Основы православной культуры», который, по ее мнению, расширил ее познания о быте, традициях народа, и подвел к осмыслению взаимосвязи духовного и материального.

Студентка А. Черных рассказывала, что ее семья исповедовала иудаизм и она участвовала в обрядах, вместе с тем ей был предоставлен выбор вероисповедания или отказ от него. Ознакомившись с мировыми религиями, студентка перешла в буддизм, а к иудаизму стала относиться как к семейной традиции, исполняя два основных обряда: ставить свечи по субботам и отказываться от свинины. Так людям свойственно менять свои воззрения и вероисповедания под влиянием новой информации, объективных и субъективных факторов.

Религиозная коммуникация происходит по разным каналам: семья, окружающая среда, школа, церковь (собирательный образ). Социологические исследования показали, что до 80 % студентов получали сведения о религии в семье, и дополняли их из окружающей среды. Интерес молодежи проявляет к выступлениям (лекциям) богословов, которые сочетают канонические темы с научными достижениями, искусством, образованием, общественными проблемами. Заслуживают внимание идеи, выдвинутым Всемирным русским народным Собором (2006 г.), принявшим Декларацию о правах и достоинстве человека. В центре документа заложена мысль о ценности человека, о праве его на жизнь, свободе в личной, общественной и политической жизни, сознательном устранении от злых дел, творя добро [2, с. 72–74].

Значительное место в суждениях студентов занимают понятия «добро» и «зло». Справедливо отмечают они, что данные понятия трансформируются с раннего детства в дефинициях «хорошо или плохо». Религиозные суждения о добре и зле находят глубокий философ-

ский смысл о месте и роли каждого человека во имя спасения мира на Земле и сохранении дарованной ему жизни, а также подготовке себя в иной мир.

Религиозное образование вкупе со светским формирует жизненные позиции человека, может затронуть глубинные стороны души, направить развитие его соответственно своим интересам и общественным запросам. На протяжении многих веков РПЦ занимается проблемами воспитания, образования, формирования гуманистической нравственной личности, выработки у каждого человека моральной стойкости, патриотизма. Для совершенствования форм и методов влияния на новое поколение РПЦ проводит с 1993 г. Международные Рождественские образовательные чтения (в 2018 г. проведены XXVI) с широкой разносторонней тематикой, охватывая весь спектр современной жизни. На данных форумах происходит интеграция светской и религиозной коммуникации, с учетом запросов информационно-технического века. С современных позиций разъясняются многие аспекты вероучения и культовой практики, весьма приемлемые для широкого круга людей. В качестве примера назовем изданные в 2017 г. пособия для руководства «Православное образование» и «Катехизис», в которых в краткой и лаконичной форме можно найти ответы на основные вопросы, связанные с вероисповеданием [1].

Вместе с тем заметим некоторые внешние противоречия, которые проявляются в религиозной коммуникации. Согласно Конституции РФ 1993 г. (ст. 14, 19, 28) образование в учебных заведениях носит светский характер и исключает преподавание религиозных дисциплин. Тем не менее в ряде школ вводится курс «Православная культура». Студенты 3 курса юридического факультета (исследования 2018 г.) критически отнеслись к такому положению дел, отмечая, что это противоречит интересам учащихся других вероисповеданий. При этом 73 % опрошенных заявили, что данные курсы следует ввести факультативно и по выбору учащихся.

Интерес к религиозной культуре молодых людей периодически меняется: с одной стороны, возрастает внимание к утраченным традициям народа, с другой, проявляется тяга к осознанию духовных ценностей и их влияние на морально-этические нормы человека. Проведенный анализ среди учащихся показал, что 57 % высказываются за введение курса «Истории мировых религий», обосновывая это тем, что данный курс дает представления о научных, философских, религиозных картинах мироздания, показывает общее и особенное каждой деноминации о роли и смысле жизни человека.

Воззрения на религию у молодежи не однозначны. Для примера (3 курс юрфак) приведем отдельные высказывания студентов. Сенина В. и Зайцева Д. считают, что религия выполняет важную функцию, воспитывая в людях доброту, милосердие и любовь, заставляет задуматься о смысле жизни. Объединяя своих последователей, она дает им веру и надежду на спасение от возникающих трудных социальных проблем, удовлетворяет духовные потребности. Студентки отметили, что религия не играет первостепенную роль в их жизни, но обращаются к ней в трудных ситуациях, полагаясь на веру и настраивая себя на благополучный выход из затруднений.

Колосова М., Михальченко И., пишут, что вера позволяет человеку развивать лучшие качества в себе, вселяет надежду на будущее спасение, избавление от страданий. Религиозная коммуникация сближает людей, спасает от одиночества, наставляет на ощущение смысла жизни. Вместе с тем позитивно оценивая роль религии на всех этапах цивилизации, студентки отмечают негативные факторы, связанные с религиозными войнами, жестокой инквизицией и др. Осуждают они факторы аморальных действий представителей духовенства и недобросовестных лиц, подвизавшихся под священнослужителей.

Студенты Блинникова А., Бодруг С., Кокшаров А. обратили внимание на законодательные акты, дающие право каждому человеку свободы вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ). Вместе с тем они высказались против приоритета и даже политизации православия, что проявляется: введением в школах уроков «Основы православной культуры», трансляции по телевидению христианских праздников, на которых участвуют главы государства, сборах пожертвований для нужд храмов в общественных местах. В предложениях они считают возможным введение курса «Истории мировых религий», но высказываются против использования религиозного канала на ТВ.

Интересны рассуждения студентов Бусарова И., Краскиной П. о религии, как феномене культурной жизни общества, которая способствует солидаризации народа и укреплению государства. В продолжении мысли они рассуждают о соотношении науки и религии, над чем на протяжении многих веков дискутировали ученые и богословы. Выводы их сводятся к констатации, что наука и религия могут рассматриваться как противоположные мировоззрения, в то же время могут сосуществовать, дополняя своими функциями друг друга.

Министерство образования рассматривает вопросы религиозной коммуникации в широком диапазоне, учитывая многонациональный и много конфессиональный состав населения. Введение в учебных заведениях «Основ религиозной и светской этики» рассчитано на воспита-

ние у молодежи гуманистических норм морали, восприятие поликультурного мира. Однако, в реалии в школах зачастую вводится курс по православной культуре, не учитывая наличие в группах инаковерующих учащихся. Это приводит к определенному психологическим диссонансу, ослаблению чувства взаимоуважения, толерантности и доверия. На эти факторы указывали опрошенные студенты в прошлые годы и настоящее время.

Религиозные духовно-нравственные ориентиры помогают личности осознать и оградиться от внутреннего и внешнего зла, позволяют успешно социализироваться в обществе. К примеру, студенты 4 курса изобразительного искусства (2015 г.) констатировали взаимосвязь одухотворенности религиозным искусством и профессиональными навыками, что сказалось на удачном трудоустройстве. Студенты 3 курса юридического факультета (2018 г.) заявили о нейтральности по отношению к религии, вместе с тем сказали, что при каких-либо затруднениях обращаются к Богу. По сути, данное состояние индивидов отражает их внутреннее проявление религиозности, которое способствует мобилизации внутренних сил и настрою для реализации планов. Таким образом, молодое поколение, даже не соблюдая канонические установки, попадает под влияние религиозной коммуникации и в сочетании со светской формирует свое мировоззрение и нравственные нормы.

Подводя итоги влияния религиозной и светской коммуникации на современную студенческую молодежь, следует отметить, что все респонденты положительно относятся к религии, как к духовной культуре, социальному институту, возникшему на ранней стадии развития человечества. Информационно-технический век отразился на мировоззрении учащихся, о чем можно судить из высказываний самих студентов. Подавляющее большинство из них не считает себя верующими, но уважительно относятся к религиозным обрядам, воспринимая их народными или семейными традициями.

Итак, нравственный кризис, поразивший часть молодежи, можно преодолеть консолидацией здоровых сил общества, направленных на выработку гуманистических стереотипов ответственности за судьбы народа и страны.

Библиографический список

1. Православное образование. Практическое руководство по приходскому консультированию. М. : ЭЙПиСиПабблишинг, 2017. 230 с.
2. Сборник пленарных докладов. XV Международные Рождественские образовательные чтения. М. : Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ, 2007. 142 с.

М. Н. Начапкин,

доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург)

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЖУРНАЛИСТ КНЯЗЬ В. П. МЕЩЕРСКИЙ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ АЛЕКСАНДРА III: КОНСЕРВАТИВНЫЕ ОСНОВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматривается письма консервативного журналиста-издателя-редактора «Гражданина» князя В. П. Мещерского царю Александра III. Они содержат мысли князя по следующим важным для России проблемам: власть и нигилизм; консервативные основы, необходимые для существования государства; причины разорения и бессилия дворянства; оценка последствий для страны либеральных реформ Александра II, положение консервативной печати; размышления о перспективах исторического процесса.

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, идеология, самодержавие, основы, журналистика.

M. N. Nachapkin,

associate professor, Russian State Vocational and Pedagogical University

CONSERVATIVE JOURNALIST KNYAZ VP MESHERSKY IN THE EPOCH OF MODERNIZATION OF ALEXANDER III: CONSERVATIVE BASES AND REALITY

The article deals with the letters of the conservative journalist-publisher-editor of the “Citizen” Prince V. P. Meschersky Tsar Alexander III. They contain the thoughts of the prince on the following important problems for Russia: power and nihilism; conservative foundations necessary for the existence of the state; reasons for the ruin and powerlessness of the nobility; an assessment of the consequences for the country of the liberal reforms of Alexander II, the position of the conservative press; reflections on the prospects of the historical process.

Key words: bases of conservatism, modernization, ideology, autocracy, journalism.

Судьба и взгляды консервативного журналиста князя В. П. Мещерского (1839–1914) представляют большой интерес в контексте изучения феномена российского консерватизма в период модернизации в России. Во второй половине XIX века капитализм пришел в Россию со своими плюсами и минусами. За 40 лет, с 1860 года население России удвоилось. Этому периоду были присущи быстрые темпы

роста промышленности и железных дорог. Появилось многочисленное поколение молодежи, не знающего крепостного права, жестоких ограничений. Для молодежи было характерно стремление к получению все больших материальных благ. В то же время, в ее среде большое распространение получили революционные идеи и атеизм, пьянство, распущенность, хулиганство. Во второй половине XIX века резко усилилось влияние средств массовой информации.

Недавно изданные письма (с 1881 по 1894 гг.) консерватора В. П. Мещерского императору Александру III дают подробную информацию о России пореформенной эпохи. Мещерский был журналистом, хорошо информированным человеком о проблемах и бедах России. Его мировоззрение можно охарактеризовать как охранительно-консервативное. Для этого мировоззрения, были характерны следующие основы: 1) призыв к сохранению сильной, самодержавной, неограниченной власти; 2) неприятие и критика либеральных реформ Александра II (особенно судебной и земской); 3) крайне враждебное отношение к революции и революционерам; 4) резкое неприятие капитализма, с его материальным расслоением, обнищанием вкладчиков в результате финансовых афер, разорением опоры самодержавного режима – дворянства, господством финансовой олигархии; 5) необходимость сохранения жесткой социальной иерархии; 6) укрепление влияния Православной церкви в обществе, особенно в контексте образования и воспитания юношества; 7) неверие в добрую природу человека (без властного контроля – человек зверь).

Князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) был внуком известного историка Н. М. Карамзина. Он окончил училище правоведения, был знаком со многими представителями аристократии, видными чиновниками. В своих воспоминаниях он рассказывает о первых встречах в 1863 году с К. П. Победоносцевым и наследником престола великим князем Александром Александровичем: «...он был добр, мягок сердцем и весьма деликатен, и над всем этим главною чертою его души царил высокая и чистая честность...» [1, с. 133]. Дружба с наследником, а затем с императором Александром III продлилась с 1863 по 1894 год. В издательстве «Новое литературное мировоззрение», с 2011 г. вышли три книги переписки князя с наследником, а потом и императором [2, 3, 4].

Традиционно, время правления Александра III рассматривается как время проведения жесткой консервативной политики, подавления революционного движения, стабильности и порядка. Письма Мещерского позволяют по-иному взглянуть на эту эпоху. Читая эти документы эпохи, не можешь избавиться от чувства безысходности, приближающегося

краха России: «Семья не уважает школу, школа не уважает семьи, чиновник не уважает Церковь, дворянство плюет на дворянство» [5, с. 72]. Банки и железные дороги служат обогащению лишь кучки акционеров. Либеральные банкиры «...всеми правдами и неправдами хотят тормозить...дело кредита для помещиков. Им ненавистна идея поднятия дворянства, ибо они чувствуют, что с поднятием дворянства сильнее станет самодержавие, и дальше уйдет замысел конституции» [4, с. 45]. И хотя Владимир Петрович замечает, что стоит царю захотеть, так с либерализмом будет покончено, в это вериться с трудом. В письме от 2 декабря 1884 г. он сделал вывод о том, что либеральные реформы Александра II запустили процесс разрушения России. Петербургское чиновничество, финансовые круги, земства, интеллигенция привержены к либеральным реформам. По мнению Мещерского, они враждебны к самодержавной власти и дворянству. Он отмечает прямую связь между распространением революционной и либеральной крамолы, пользующейся поддержкой петербургского чиновничества, финансовых кругов и ослаблением верховной власти. Появление нигилизма также связано с эпохой Александра II: «...эпоха после николаевская стала мягкой почвой... Делай что хочешь, иди куда хочешь, пиши что вздумаешь, стремись, куда манит: вот были лозунги новой эпохи» [5, с. 33]. Нигилизм, или беспочвенность, представляет собой полное отрицание государственных, народных и духовных основ: «Нигилист – это человек безыдейный, безнадзорный, живущий во имя безверия...» [5, с. 261]. По его мнению, царь не должен идти на уступки толпе, или так называемому общественному мнению: «Когда монарх силен и не признает толпу, толпа его боится и безмолвствует пред ним; как только монарх малейшим образом проявляет, что считает толпу за силу, толпа из ребенка, из раба, делается зверем и лезет разрушать трон» [4, с. 114].

В своих письмах князь Мещерский неоднократно обращался к Александру III с просьбой финансировать его издание. Он так оценивал положение консервативной печати в России: «...с грустью приходится сознаться, печать беспорядка всеильна и богата, в печать порядка бесильная и убога» [4, с. 16]. С грустью он отмечал, что либеральная печать пользуется поддержкой либерального чиновничества и банкиров, а консервативная печать предупреждениям со стороны чиновников: «...с 1874-го по 1903 год русский консервативный журнал подвергся 24 строгим цензурным наказаниям» [5, с. 18]. А за статью «Славянская летопись», опубликованную в 1876 году, выход «Гражданина» был приостановлен на три месяца. Цель издания «Гражданина», на которое он просил ежегодно 36 тысяч рублей – «...незаметно и постепенно вырвать читателей у других читателей с сомнительным направлением и служить

орудием пропаганды порядка и порядочности против пропаганды и печати беспорядка» [4, с. 15]. В общем, им была поставлена правильная задача – овладеть сознанием интеллигенции, мещанства и чиновничества.

Другим объектом его критики стали чиновники финансового ведомства.

Министерство финансов, своей налоговой и кредитной политикой разоряли, как дворянство, так и крестьянство: «Трудное, страшно трудное время переживается всеми теперь... процесс разрушения государственных основ совершается снизу, и если не будет остановлен, готовит ужасы для будущего... Народ начинает кое-где хотеть всю землю, и этот же народ везде теперь голодает, или, вернее бедствует... Таким образом то, что составляет самое худшее из усложнений для государства, то именно случается с Россией: экономически безысходное положение соединяется с началом социализма в народе, разумея под социализмом требование себе всей земли...» [4, с. 110–111]. В письмах к царю он постоянно обращается к проблеме сохранения положения дворянства. Для него было очевидно, что самодержавие не могло существовать без поземельного дворянства. Во-первых, постоянно росло долговое бремя дворян. Все больше помещичьих хозяйств разорялось. Из этой кризисной ситуации возможно только два выхода: либо рассрочка долгов помещиков на 30–40 лет под 2,5 %, или полное банкротство помещичьего хозяйства и превращение дворян в полупролетариев. Резкой критике Мещерский подвергает деятельность министерства финансов за его денежно-кредитную политику: большие суммы платежа процентов (8–9 % платили дворяне за выданные ссуды в Дворянском банке). Кроме того, министерство финансов проводило политику искусственного ограничения, сжатия денежной массы, путем уменьшения выпуска бумажных кредитных билетов: «Еще курьезное явление. Все банки в Петербурге и Москве переполнены деньгами. А внутри России, чтобы разменять сто-рублевую бумажку надо платить один рубль за промен, и то не найдешь. Совсем денег кредитных нет. А Бунге продолжает уверять, что нельзя делать кредитные билеты» [4, с. 214]. В другом письме царю от 25 ноября 1885 года он приводит свой разговор с богатым чайным торговцем А. С. Кузнецовым. Купец жаловался на нехватку бумажной наличности в обращении. Из-за этого, купцы вынуждены прибегать к помощи векселей и менял. В результате этого посредники получают баснословные прибыли. Мещерский отмечал, что российские финансы находятся в «...руках опасных для государя и государства людей» [4, с. 234]. Другой острой проблемой для помещиков были крестьянские грабежи, потравы, порубки. Поэтому актуальной была задача наведения элементарного правового порядка: «Я бы собрал Совет Министров для обсуждения

следующих вопросов: а) как немедленно положить конец своеволию, грабёжам, поджогам, порубкам, нарушениям рабочих договоров в отношении помещиков, словом, как сделать, чтобы ввести порядок и страх власти в крестьянском населении...» [4, с. 111].

Владимир Петрович, для исправления ситуации в стране предложил следующие меры: 1) восстановление долгосрочного и дешевого кредита для помещиков-землевладельцев; 2) поощрения тех дворян, которые живут своих имениях; 3) отказ от продажи дворянских имений в недворянские руки; 4) активизация роли Православной церкви для противодействия социалистической и атеистической пропаганде; 5) дальнейшее укрепление заветов веротерпимости, при сохранении первенствующей роли Русской Православной церкви; 6) улучшение имущественного положения сельского православного духовенства; 7) неприкосновенность общинного крестьянского строя при отмене круговой поруки; 8) укрепление православных начал в семье школьной и общественной жизни; 9) создание рабочих артелей вместо профсоюзов западного образца.

Кроме того, он призывал отказаться от привлечения иностранного капитала, считая, что иностранные капиталисты разоряют природные силы России хищнической эксплуатацией. Каким же было реальное политическое влияние на Александра III журналиста Мещерского? Как участник консервативного кружка императора, он, конечно, обладал определенным влиянием. Его критическая позиция в отношении суда присяжных смыкалась с позицией Победоносцева. Оценивая роль суда присяжных в деле Веры Засулич, князь с возмущением писал: «Засулич, после выстрела в петербургского градоначальника, ...явилась не только в ореоле оправданной подсудимой, но и в сиянии святой, высоко симпатичной подвижницы, которой рукоплескали в зале суда сановники, которую прославила петербургская печать...» [5, с. 269]. Вот такой, односторонне понятый либерализм, привел к такому уродливому явлению. Так было, например и в вопросе о закрытии женских курсов. Мещерский писал, что педагоги новейшей школы: «...представляют себе задачей девушку вооружить против преданий семьи, против нежного, душевного авторитета матери, против религии..., и внушать ей дух возмущения, гордыни, независимости» [5, с. 483]. Вот поэтому, он, как и другие консерваторы считал главным уделом женщины семью.

В области внешней политики, князь придерживался подхода Александра III о необходимости сохранения прочного мира. Он даже предлагал разделить Балканы на сферы влияния между Россией и Австрией с целью исключения даже малейших поводов к войне. Россия

должна была иметь подавляющее влияние в Болгарии, а Австрия – в Сербии.

После революции 1905–1907 гг. князь Мещерский не изменил своим охранительным взглядам. Образованную в 1906 году Государственную Думу он называл «сумасшедшим домом». До конца жизни он остался верен своему политическому идеалу: Бог, Вера, Отечество, Царь. Православный царь представлял для него единственное всевластное существо, от мудрости и силы которого зависело бытие, крепость и будущность России.

Библиографический список

1. Князь Мещерский. Воспоминания. М. : Захаров, 2001. 687 с.
2. *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1863–1868 / сост. публ., вступ. ст. и коммент. И. В. Черниковой. М., 2011. 729 с.
3. *Мещерский В. П.* Письма к великому князю Александру Александровичу 1869–1878 / сост. публ. вступ. ст. коммент. И. В. Черниковой. М., 2014. 698 с.
4. *Мещерский В. П.* Письма к императору Александру III. 1891–1894 / публ., предисл. и коммент. Н. В. Черниковой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 808 с.
5. *Мещерский В. П.* За великую Россию. Против либерализма / сост. и коммент. Ю. В. Климанов. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.

Е. А. Новикова,

преподаватель, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (Москва)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Современное российское общество в наше время оказалось перед многочисленными вызовами. Они были продиктованы, прежде всего, причинами «материальными» характера: желанием построить эффективную экономику, повысить благосостояние рядовых жителей страны. Но не следует забывать, что данного состояния невозможно достичь без обращения к собственной культуре, религии, историческому прошлому нашего государства.

Ключевые слова: культура, религия, российское общество, идеалы, ценностные ориентации.

E. A. Novikova,

lecturer, Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces (Moscow)

VALUE ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: CHALLENGES OF TIME AND THEIR OVERCOMING

Modern Russian society in our time has faced many challenges. They were dictated primarily by reasons of a «material» nature: the desire to build an effective economy, improve the welfare of ordinary people in the country. But we should not forget that this state cannot be achieved without resorting to our own culture, religion, historical past of our state.

Key words: culture, religion, Russian society, ideals, value orientations.

Рубеж XX–XXI веков в современной историко-культурной парадигме представляется периодом кризиса духовной жизни русского общества. Происходит переоценка ценностей, подвергаются пересмотру интересы, знания, потребности, идеи и т. д. Современное общество в условиях активного межкультурного взаимодействия пребывает в состоянии неопределённости и отчасти непонимания того, где те «...отчества отцы, которых мы должны принять за образцы?» (А. С. Грибоедов) в результате оказывается востребованной, как это ни парадоксально, массовая культура, её ценности, а вернее сказать, их отсутствие. Традиционная культура старшего поколения, которая вмещала в себя «разумное, доброе, вечное» (Н. А. Некрасов), оказывается весьма отдалённой и непонятой, а точнее – непонятной.

«Выдавливание» высокой культуры псевдокультурой или массовой культурой происходит при активном влиянии СМИ, социальных сетей, мультимедийных технологий, современного музыкального и изобразительного искусства и, конечно же, литературного творчества, которое в настоящее время сводится, по большому счёту, к бульварным романам и гламурным журналам. Появляется новый читатель, зритель, требующие иного искусства, искусства, доставляющего не эстетическое наслаждение, а социальное удовольствие, которое люди получают от собственного статуса, от своих возможностей, к примеру, позволяющих им приобрести билеты на какой-либо особо привилегированный (популярный) концерт или спектакль, совершить далеко не бюджетный экскурсионный тур и т. д. Такое отношение к культуре и искусству доселе было, безусловно, неприемлемым практически для всех адекватных граждан России. К примеру, И. А. Антонова, на протяжении 52 лет бессменный директор Государственного музея изобразительного искусства им. А. С. Пушкина, «любовь к искусству ... можно сказать, впитала с молоком матери» ... и сохранила её на протяжении всей жизни ..., два-

жды в неделю она посещает культурные мероприятия. Это незыблемое правило было усвоено ею в детстве [1, с. 83].

В современном российском обществе прослеживается тенденция, согласно которой, благодаря преобладанию индивидуального, личностного в развитых, высших религиях происходит «высвобождение» человеческой личности из «плена» цивилизационных идей и ценностей. Не случайно, одной из специфических черт современного российского общества современной России стало обращение к обозначенным в данной статье вопросам. Данная проблематика на разных этапах развития российского государства была объектом глубокого анализа представителей научного сообщества, политического истеблишмента, общественных и международных организаций. В этих условиях важно осознавать, что «оценка присутствия объединяющих элементов общечеловеческой культуры в каждой национальной культуре – это реальная основа для взаимодействия, и возможно, – последующей межнациональной интеграции» [6, с. 172].

Если высшая религия приобретает отдельный статус формы общества, отличной от цивилизаций, первичные формы религии представляют нерасторжимое единство с культурой, в рамках которой они возникли. Следствием высокой интегрированности ранних форм религии в социальную сферу первого поколения цивилизаций является их глубокое проникновения во все сферы жизни общности [4, с. 138]. Поэтому совпадение религиозного горизонта с географическими границами государств есть главной характеристикой истории первичных цивилизаций.

Принцип «культурного» отвержения становится идеалом. Всё это, безусловно, объясняется кризисными явлениями, происходящими в обществе, а вернее сказать, в различных сферах его жизни и деятельности – в экономике, политике, культуре, а главное – в религии. В современной социальной действительности, национальные особенности часто выступают как общечеловеческие, отраженные в национальном. Для русского народа, служение это прежде всего острейшая необходимость к «удержанию мира от распада, пусть иногда и ценой собственного принижения» [7, с. 68]. Для братских русских народов служение – быть помощником, соратником в служении, добавлять к национальному служению то, чего русским не хватает, а у других народов имеется.

Однако всё-таки много зависит от человека, его духовных установок, устремлений, тех ценностей, которые заложены в детстве, семьёй, самыми родными и близкими людьми, желающими всегда, исключительно, только добра. Так, к примеру, И. А. Бунин – великий русский писатель, первый Нобелевский лауреат в области литературы, ушедший из дома, по выражению его матери, «с одним крестом на груди»,

на протяжении всей жизни и творчества «воспринимает движение истории как продолжение Священного Писания», а «жизнь отдельного человека в его творчестве всегда связана с жизнью человечества» [2, с. 26]. И это вполне объяснимо, «все мы родом из детства». А в детстве, как известно, И. А. Бунин, готовясь к поступлению в Елецкую мужскую гимназию, занимался с домашним учителем, тщательно изучая географию, историю и, самое важное, Священное Писание и Закон Божий. И, естественно, это наложило серьёзный отпечаток на его последующую жизнь и всё творчество.

Без сомнения, состояние «духовного коллапса» современного общества возникло не на пустом месте. Эти процессы начались не сегодня, а в атеистическом XX столетии, когда активно разрушались храмы, закрывались монастыри, ссылались и расстреливались священники, «обмирщение» всех сфер жизни в самом худшем значении этого слова происходило во всех направлениях и на всех уровнях. Кризис христианства и, как следствие, утрата ценностных ориентиров создали диссонанс непонимания и разобщённости в общественном сознании того периода времени. Духовную пустоту человека, как правило, обеспечивает нравственная дезориентация, которая способствует формированию в человеческой натуре зла, и, как следствие, бытие становится неуправляемым, иррациональным, неупорядоченным. В свою очередь, социально-историческое время – это тот неотъемлемый критерий, который проверяет на «жизненность» те или иные ценности, и, соответственно, производит их «естественный отбор». Как известно, безрелигиозные системы ценностей нежизнеспособны, так как вопросы о смысле бытия в них решаются на самом примитивном прозаическом уровне: посадить дерево, построить дом, вырастить сына, и человек созидаящий превращается в человека потребляющего.

Современная культурная унификация активно способствует «вестернизации» и «американизации» современного общества, в результате чего насаждаются ложные ценности: людей оценивают по тому, что у них есть, а не по тому, кем они являются. В результате идёт разрушение самых основ бытия России, которые складывались на протяжении столетий. Примером может служить современный русский язык, который в настоящее время представляет собой «смесь» иноземных слов и жаргонизмов, т. е. интеллект, талант и дух нации находятся под угрозой. Всеми этому ещё в большей степени способствуют утрата народных традиций в быту и искусстве, разрушение старинных городов, гибель архивов и т. д. Таким образом происходит нарушение культурной преемственности, вечный конфликт «отцов и детей» превращается в

их разобщённость, неспособность прийти к компромиссу и одновременно способствует утрате национальных традиций.

И в современной ситуации консолидировать общество способна лишь национальная идея, которая неоднократно, как свидетельствует прошлое, объединяла разные слои русского общества в самые трагические моменты её истории. Примером тому может служить эпоха Николая I, когда «именно национальная идея ... легла в основу государственной политики ... с целью объединения всех слоёв русского общества, которое, как никогда, было необходимо для сплочения всего русского мира» [3, с. 261], так как человечество может выжить в современных условиях, лишь централизовав систему абсолютных ценностей.

Русская Православная Церковь, как и современное российское государство в целом, вступив в XXI столетие, также оказалось перед многочисленными вызовами. Русское православие, сформировавшееся в сложных исторических условиях, никогда (за исключением правления Ивана Грозного) не стремилось насаждать христианскую веру насильственным путем. В истории нашей страны не было религиозных войн, а миссионерство осуществлялось в основном в среде малых народов Севера и Дальнего Востока. Государство покровительствовало церкви, а церковь помогала государству, не только секуляризируя власть, но и «воспитывая население в патриотическом духе, поднимая народ в случае внешней агрессии на защиту страны» [5, с. 84].

В этих условиях рост влияния религиозного фактора на современное российское общество может стать одним из возможных путей преодоления вызов затрагивающих ее ценностные ориентации в условиях их постоянного изменения. Перспективой данной работы является возможность всеобъемлющего тщательного изучения проблемы трансформации ценностных ориентаций современного российского общества, находящиеся в центре научных дискуссий философии, филологии, теологии, социологии, политологии, психологии и т. п.

Библиографический список

1. Атаманова Е. Т. «Есть женщины в русских селеньях...»: к вопросу о феномене формирования креативной личности в поликультурном пространстве современности (отечественный дискурс) // Развитие креативности личности в современном образовательном пространстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2017. С. 82–85.

2. Атаманова Е. Т. Новозаветные реминисценции в поэтическом творчестве И. А. Бунина 1910-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2015. № 7 (49) : в 2 ч. Ч. 2. С. 24–27.

3. *Атаманова Е. Т.* Православное наследие К. А. Тона в туристском дискурсе Липецкого региона // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33) : материалы XII Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения», 20–22 октября 2016 г., г. Липецк-Задонск / под ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой (отв. ред.). Липецк : ЛПГУ им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, 2017. С. 260–263.

4. *Бойчук С. С.* Проблема соотношения религии и цивилизации в концепциях А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера и Ф. Бэбби // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : сборник докладов / под ред. А. П. Забияко, М. М. Шахнович, Е. А. Аринина, П. К. Дашковского, В. В. Шмидта, Е. С. Элбакян. Благовещенск : Изд-во Амурского государственного университета, 2018. С. 136–142.

5. *Гришин О. Е., Матвиенко В. А., Толочко А. В.* Война, защита Отечества и религия // Вестник Российской нации. 2018. № 1. С. 79–94.

6. *Матвиенко В. А.* Межнациональное взаимодействие в контексте политических процессов постсоветской России: структурно-институциональный анализ // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5, № 2. С. 170–180.

7. *Матвиенко В. А.* Религия и трансформация современных политических процессов // Концепт. 2015. № 7. С. 66–70.

С. С. Новосельский,

преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ПРОЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905 ГОДА В РОССИИ

(Взгляды религиозных общественных деятелей)

Революционный кризис 1905 г. в России способствовал небывалому всплеску общественно-политической активности. Взгляды религиозных общественных деятелей на пути его преодоления были подчас весьма далеки от консервативно-охранительных.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, Н. Н. Неплюев, Н. И. Ивановский.

S. S. Novoselskiy,

lecturer, Russian State University for the Humanities (Moscow)

PROJECTS FOR OVERCOMING THE REVOLUTIONARY CRISIS OF 1905 IN RUSSIA

(Views of religious public figures)

The revolutionary crisis of 1905 in Russia contributed to an unprecedented surge in social and political activity. The views of religious public figures on the way to overcome it were sometimes very far from conservative.

Key words: The First Russian Revolution, 1905, political thought, N. N. Nepluev, N. I. Ivanovskiy.

Первая русская революция послужила толчком к беспрецедентной активизации общественно-политической мысли в России. Революционные события находили живой отклик у представителей всех слоев российского общества, стремившихся любыми доступными способами донести до власти свои взгляды и предложения возможных путей преодоления внутриполитического кризиса. Политика в 1905 году начинает волновать даже тех, кто ранее не проявлял к ней особенного интереса, в том числе – религиозных мыслителей и общественных деятелей, чья работа прежде носила преимущественно духовно-просветительский характер. Тем более удивительным в этой связи выглядит то, что подобные сюжеты, за редкими исключениями [6, с. 214–221], остаются вне поля зрения исследователей Первой русской революции.

2 января 1905 г. основатель Крестовоздвиженского православно-го трудового братства Н. Н. Неплюев обратился к императору с всеподданнейшей запиской, на страницах которой поставил неутешительный диагноз состоянию умов и положению дел в России. «Шатость умов и сердец, раздор, ожесточенная борьба, взаимное недоверие, отсутствие духовных объединяющих начал достигли», по утверждению Неплюева, «таких размеров, опасность которых для мирного благоденствия церкви и государства очевидна и будет возрастать, пока не будет ясно сознана и не вызовет систематических мер, направленных к быстрому и решительному созиданию лучшего будущего» [1, л. 1 об.]. Автор записки полагал, что ни консерваторы, ни либералы были не способны предложить власти позитивную программу выхода страны из кризиса. Несмотря на то, что среди представителей как охранительного, так и реформаторского направлений общественной мысли, безусловно, были «люди с возвышенным образом мыслей и благородными стремлениями» [1, л. 7], они, по мнению Неплюева, оставались в меньшинстве. Подавляющее же большинство российского общества, напротив, руково-

дствовалося категорическим неприятием любой точки зрения, чуждой своей собственной.

Называя консерваторов «домашними врагами», Неплюев упрекает их в отрицании существующих в государстве проблем или в сознательной мифологизации и идеализации прошлого, также не имевшей с исторической действительностью ничего общего. «Чувствуя, что все против них, они проповедуют недоверие и ненависть ко всем, требуют обуздания умов вместо их убеждения, насилия над сердцами вместо единения в братолюбии и этот страшный кошмар выдают за верность церкви, престолу и Отечеству...» [1, л. 3–3 об.], – столь нелестной характеристики удостаивает Неплюев деятельность правых.

К представителям либерального крыла общественной мысли Неплюев более благосклонен. Сама идея того, что конституция предпочтительнее олигархии («анархии сверху»), не вызывает у него возражений. Проблема, с его точки зрения, состояла в том, что избранный Западной Европой путь конституционализма способствует только интеллектуальному и экономическому прогрессу, не затрагивая нравственных, этических начал общественной жизни. Следовательно, преодолению внутри-российского кризиса, который был, по мнению Неплюева, в первую очередь кризисом духовным, принятие конституции способствовать не будет. Да и самих отечественных либералов объединяло лишь неприятие существующего порядка – общими идеалами они, как утверждал Неплюев, не обладали и стремились исключительно к «безграничной свободе самодурства» [1, л. 7–8].

Не усматривая в российском общественном движении идейных предпосылок для установления консенсуса между властью и обществом, Неплюев предлагает Николаю II собственную программу действий, главным пунктом которой был созыв законосовещательного органа народного представительства [1, л. 10 об.]. Причем этот орган должен не только быть постоянно действующим, но и обладать прочными связями с земскими собраниями и городскими думами, а главное – правом контроля деятельности министров [1, л. 11 об.]. Тем самым Неплюев фактически выступает сторонником одного из ключевых принципов конституционной монархии – ответственного министерства, не ограничивая при этом законодательных полномочий императора.

Существенным пунктом программы Неплюева являлась активизация деятельности церковных приходов. Их Неплюев сравнивал с «здоровыми клетками» человеческого организма, способными вдохнуть жизнь не только в церковные, но и в государственные институты Российской империи [1, л. 11 об.].

Вообще идея организации на основе приходов не только духовной, но и общественной жизни верующих, начинается в 1905 г. приобретать популярность в определенных кругах. Этому в немалой степени способствовало подписание Николаем II 18 февраля 1905 г. Указа Правительствующему Сенату, согласно которому рассмотрение направленных представителями общественных организаций и частными лицами записок «об усовершенствовании государственного устройства и улучшении народного благосостояния» возлагалось на Совет министров. Вскоре после того, как Указ был опубликован, ярославский помещик Н. С. Петухов написал письмо министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову. В нем Петухов выразил обеспокоенность тем, что, ввиду слабой информированности населения о существовании Указа, крестьяне в массовом порядке не откликнутся на призыв поведать власти о своих нуждах. Чтобы правительство все же услышало «голос русской земли», Петухов предлагал не только зачитывать Указ во время церковных служб, но и предоставить прихожанам возможность составлять коллективные записки по наиболее волновавшим их вопросам. По замыслу Петухова, выборный депутат от приходского схода должен был лично представлять эти записки в Совете министров, причем с него слагалась всякая ответственность за их содержание. «Одни представители земств не в состоянии высказать той коренной истины, которую могут высказать представители каждого прихода, потому что фактическое представительство от сельских обывателей, свободно выбранных, в нашем современном земстве практически отсутствует» [4, л. 40–40 об.], – аргументировал свое предложение помещик. В чиновничьих кругах, однако, не видели необходимости в «искусственном возбуждении ходатайств», и инициатива Петухова была оставлена без внимания [3, л. 61 об.].

В период работы Особого совещания при Министерстве внутренних дел над проектом «булыгинской думы» даже звучали голоса, призывавшие превратить церковные приходы в местные избирательные единицы, выстроив на их основе всю систему выборов в Государственную думу. Однако даже те общественные деятели, которые в принципе сочувствовали этой идее, считали ее едва ли осуществимой на практике. «Приходская жизнь у нас совершенно заглохла; во многих местах приходских собраний никогда не бывает, в других они обратились в пустую формальность» [2, л. 30 об.], – отмечалось в записке неославянофильского «Кружка москвичей», составленной его лидером Ф. Д. Самариным 31 мая 1905 г.

После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. в России уже ни у кого не осталось сомнений в скором созыве законодательной

Государственной думы. Вопрос о разработке избирательного закона и наиболее оптимальной с политической точки зрения организации выборов занимает отныне центральное место в общественных дискуссиях. Не оставались в стороне от них и религиозные мыслители. 20 ноября 1905 г. доктор богословия, профессор Казанской духовной академии Н. И. Ивановский составил записку «О современном политическом положении в России. Возможна ли и полезна ли всеобщая подача голосов в России», которая была направлена автором председателю Совета министров С. Ю. Витте.

По утверждению Ивановского, активно формировавшиеся в России политические партии на данном этапе все еще носили «организационный характер». Ни одна из них, «за исключением социал-демократической, не организована. Последняя, благодаря именно организации, дает тон революционному движению и руководит им в духе своей программы» [5, л. 29], – говорится в записке. Поэтому первоочередной задачей правительства, с точки зрения Ивановского, являлось создание «конституционно-монархической партии» с опорой на крестьянство. Обеспечить такой партии победу на выборах могли бы скорейшая разработка и издание Основного закона империи, закреплявшего ключевые положения Манифеста 17 октября, а также утверждение партийной программы, которая, помимо прочего, содержала бы в себе обещание весьма радикальных преобразований, касавшихся жизни сельских обывателей (вплоть до ликвидации паспортной системы, волостного суда и должности земских начальников) [5, л. 30].

Реализации задачи получения будущей проправительственной партией большинства на выборах в Государственную думу, считал Ивановский, способствовала бы их организация по принципу всеобщей подачи голосов. Такая система послужила бы становлению Думы в качестве органа действительного народного представительства, в составе которого нашлось бы место депутатам от всех слоев населения, в том числе – наиболее подверженных революционным настроениям (главным образом, рабочим). При этом автор записки не видел оснований опасаться того, что в Думе окажется немало радикально настроенных депутатов. Ивановский предлагал обратиться к немецкому опыту парламентаризма. «Германия, – пишет он, – только наполовину сельскохозяйственная страна, притом же ее сельское население в культурном отношении стоит выше русского, и все же при всеобщей подаче голосов большинство в рейхстаге в течение всего времени существования этой системы принадлежало умеренным и консервативным партиям» [5, л. 31 об.]. Учитывая, что лишь 12 % населения России (по данным автора записки) проживало в городах, распространение социалистических

идей в парламенте ей совершенно не угрожало. Однако тут власти не мешало бы подстраховаться и прибегнуть к предварительной цензуре политических партий, допускаемых к участию в выборах. «Программы с принципами самодержавного, равно как и республиканского режима, не должны быть вовсе допускаемы, как нелегальные» [5, л. 30 об.], – резюмирует Ивановский.

9 декабря 1905 г. Витте ознакомился с содержанием записки и поручил объявить ее автору благодарность. Несмотря на то, что большинство предложений Ивановского в конечном итоге не было реализовано, некоторые его прогнозы, в частности, о доминировании земледельческого элемента в Государственной думе первого созыва и весьма незначительном рабочем представительстве среди ее депутатов, вполне оправдались (что, однако, отнюдь не сделало первую Думу более умеренной в своих требованиях).

Взгляды ряда религиозных общественных деятелей на наиболее с их точки зрения желательные пути преодоления революционного кризиса 1905 г. в России свидетельствуют о трансформации представлений о сущности данного кризиса в российском обществе. Если в начале 1905 г. «смута» в России трактовалась ими как наивысшее проявление нравственного упадка, духовной стагнации общества, то к концу 1905 г. «революция» бросает власти уже качественно новые, политические вызовы. Но куда важнее то, что ответы, предлагаемые представителями православного мира, на эти вызовы звучат гораздо смелее и радикальнее, нежели традиционные позиции охранителей самодержавия. Сами того до конца не осознавая, религиозные общественные деятели, наряду с другими представителями российского общества, ставят власти жесткий диагноз, обвиняя ее в утрате управляемости, и в то же время стремятся подсказать ей рецепты восстановления порядка в стране, следуя которым, власть неминуемо вступает на путь политической модернизации.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 551.
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 265. К. 134. Д. 11.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 6.
4. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 12.
5. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 167.
6. *Соловьев А. А.* Русская православная церковь в интеллектуальном поле революции 1905–1907 гг. // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке : в 2 ч. / отв. ред. А. М. Белов. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. Ч. 1.

А. К. Погасий,

профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА И РАЗДЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА

Религия одновременно является и интегрирующим, и дезинтегрирующим фактором. Какие есть возможности сделать так, чтобы религия положительно влияла на ход мировых процессов, а не вела к разделению общества? На этот вопрос пытается ответить настоящая статья.

Ключевые слова: Религия, разделения, духовность, диалог, государственно-конфессиональные отношения.

A. K. Pogasiy,

professor, Kazan (Volga Region) Federal University

RELIGION AS A FACTOR OF UNITY AND SEPARATION: THE PROBLEM OF CHOICE

Religion is both an integrating and disintegrating factor. What opportunities are there to make religion positively influencing the course of world processes, rather than leading to the division of society? This article is trying to answer this article.

Key words: Religion, division, spirituality, dialogue, state-confessional relations.

Диалектический закон единства и борьбы противоположностей, как мы знаем, движет эволюцию, и он же – увеличивает энтропию. Это проявляется в том, что политическая борьба, военные конфликты, рост цен и налогов, болезни и т. п. вызывают социальную нестабильность. Если добавить сюда опасные природные и техногенные процессы, то это все вместе постоянно держит человечество на грани катастрофы (если оно уже не стоит на последней черте).

Религиозный фактор также вносит свой немалый вклад в существующее положение. От него может зависеть, на какую чашу весов придется этот «вклад»: на чашу порядка или хаоса. И чем обусловлен этот выбор...

Если говорить об увеличении количественных показателей и географическом распространении религии, то большую роль в этом объективно играют именно конфликты, ведущие к разделениям. Для конфессиональных богословов, да и вообще для верующих, такое утверждение – ересь, поскольку нет религии, которая не говорила бы о единстве. Но

единство *всех* верующих – это идеал и притом недостижимый. Любая конфессия рассматривает *свое* учение единственно правильным и призывает к единству именно в рамках *этого* учения. Разделяясь по самым различным критериям (догматическим, каноническим, политическим, экономическим, личным), каждая религиозная общность стремится завоевать признание, увеличить количество своих членов, распространиться как можно шире и прикладывает к этому максимальные усилия («Великий раскол», Реформация, церковный раскол XVII в. в России и т. д.).

Таким образом, мы встаем перед противоречием: разделения, т. е. беспорядок, ведут к увеличению энтропии, но они же, разделения, активно неизбежны и, судя по всему, допускаются Богом для исполнения Своего плана спасения («идите, научите все народы...» (Мф. 28:19), что нам показывает вся история религии).

Как сделать, чтобы процессы, происходящие в религиозной сфере, не влияли негативно на ход мировых событий?

Существуют различные точки зрения на решение этой проблемы. Одна из них – создание некой «единой религии». Однако, как уже говорилось выше, эта идея утопична. И не потому, что такой религии не может быть по определению, а в силу представлений о ней лишь в рамках *своего собственного* вероисповедания как единственно правильного, «истинного».

По учению ряда христианских конфессий антихрист, придя в мир, создаст некую «всеобщую» религию в качестве идеологической платформы своей тоталитарной власти. Она будет построена не на духовной общности людей, а на гуманистических¹ началах – борьбе за мир, социальное равенство, стирание национальных различий «во имя единства веры» и т. п. С этой точки зрения религиозные разделения представляются оправданными, поскольку религия, построенная на иных основаниях, чем духовные (вера в Бога (или богов), духовный мир, его обитателей, исполнение предписаний своей религии и т. д.) автоматически перестает быть таковой, а становится обычным нравственным учением, идеологическим инструментом, политической партией или движением, общественной организацией – в общем, чем угодно, только не религией.

С другой стороны, множество людей полагают, что достичь гражданского мира можно только через духовное единство, т. е. опять же

¹ Гуманизм – духовно-философское учение, главной идеей которого является приравнивание, а затем и возвышение человека над Богом, определение его как «меры всех вещей». Люди все время путают его с гуманностью – человеколюбием.

имеются в виду вечные ценности, коими оперирует религия. И мы снова возвращаемся к концепции единой религии.

Получается замкнутый круг: одна половина человечества «за», другая «против», а поскольку так, то единого *духовного* основания для решения проблемы мирового общественного согласия в ближайшее время не усматривается.

Следующее предложение по достижению религиозного мира сводится к *диалогу* между конфессиями. В этом плане в России достигнуты определенные положительные результаты. В последние 15–20 лет сложились «добрососедские» отношения между централизованными структурами российского *православия, ислама, иудаизма и буддизма*. Тем не менее, такие отношения не есть *соответствие*, т. е. сообразность, гармония, соразмерность, адекватность [Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. 4-е изд. М. : Русский язык, 1975. С. 509], т. к. различие в учениях и вытекающее из него определенное отношение друг к другу (например, упрек ислама христианству в многобожии из-за поклонения последними Троице или иудеям со стороны христиан в неприятии Иисуса в качестве Божьего Сына) отнюдь не ведут к *духовному* единству. Это, скорее, *соглашение*, т. е. договор, в основе которого лежит выраженное в преамбуле Федерального закона 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» признание государством этих конфессий в качестве «культуробразующих» и «уважаемых».

Однако это *соглашение* существует только в рамках вышеназванного четырехугольника и не распространяется на другие, как выясняется, менее «уважаемые» конфессии (например, протестантов, не говоря уже о мормонах, сайентологах или кришнаитах).

Кроме того, сегодняшнее хорошее отношение между четырьмя религиозными общностями довольно неустойчиво по своей динамике и зависит лишь от позиции государства в его сегодняшней религиозной политике (вспомним недавнюю историю государственно-конфессиональных отношений в России). Что же касается других конфессий, то здесь просматривается либо откровенная агрессия, либо плохо скрытое пренебрежение. Такая позиция проявляется и в публичных выступлениях представителей «привилегированных» религиозных структур, и в конфессиональной литературе, и в СМИ.

Если, все-таки, они научились поддерживать между собой хорошие отношения, не заостряя вопросов на спорности учений и не требуя перейти в другую веру, то почему бы, будучи мудрыми, не распространить такое же отношение и на все остальные конфессии, тем более что

этого требует Конституция Российской Федерации. Пусть это равновесие будет еще более неустойчивым, но мудрость политики и заключается в постоянном поддержании равновесия. Худой мир – лучше доброй ссоры.

Многие страны мира идут таким путем, и мы знаем, что в части межконфессионального согласия там проблем либо совсем нет, либо гораздо меньше. Думается, что именно такой опыт стоит перенимать у Запада, а не то плохое, что мы у него берем сейчас. В этом – здравый смысл и проверенная временем мудрость.

Несмотря на некоторое достижение толерантных отношений в религиозной сфере, в российском обществе продолжает оставаться еще один очаг напряженности, на этот раз между верующими и атеистами. Непонимание между ними было всегда, но особенно обострилось в Новое время. Ярким проявлением такового было сожжение на костре за *материалистические* воззрения Джордано Бруно в начале XVII века. Прошло несколько столетий и в начале уже XXI века за чтение лекций по *креационной* теории объявили выговор профессору Пермской государственной медицинской академии Н. Гаряевой. Ей просто повезло, что сегодня нет ни инквизиции, ни НКВД!

Межконфессиональный диалог приносит свои плоды и там, где его можно достичь, нужно это делать как верующим, так и государству, которое в своих же интересах и в интересах общества должно прикладывать все усилия для поддержания добрых отношений между социальными группами различных религиозных взглядов. Но сложно, может даже невозможно, построить такой диалог между теистами и атеистами в силу их принципиально противоположного мировоззрения. Дело в том, что здесь затрагивается мыслительная сфера, которую монополизировала философия и наука в лице ученых различных, зачастую противоположных, научных школ, каждая из которых (как и разные религии) считает свой взгляд единственно верным. А, учитывая семидесятилетнее господство материалистической идеологической «школы», соответствующее мировоззрение, воспитанное только на эволюционной теории, умрет вместе с его носителями – поколением ученых 1940–1980-х годов.

Как и религия, наука развивается на противоречиях (противоположностях); только для религии это данность, а для науки – необходимость. Но когда эти противоречия становятся причиной общественных нестроений, меры должно принимать государство. В данном случае властям необходимо перевести проблему из сферы политической в сферу чисто научную: ввести в программу учебных заведений всех уровней и форм собственности изучение эволюционизма и креационизма как двух

противоположных теорий, обе из которых до настоящего времени не имеют строго научных подтверждений. Этот шаг, на наш взгляд, только стимулирует обе стороны к борьбе на исследовательском поле, а регулирование общественных отношений оставить политикам.

Параллельно необходимо неустанно воспитывать терпимость к чужим мыслям и верованиям. Это нужно делать в семье, детских воспитательных учреждениях, учебных заведениях всех уровней; тема терпимости должна звучать в СМИ, в искусстве и т. п. К сожалению, СМИ занимают прямо противоположную позицию: я не помню ни одной публикации и телепередачи, где подымался бы вопрос терпимости, в то время как тема «традиционных религий» и «тоталитарных сект» звучит чуть ли не каждый день. Гостями же таких передач являются не представители *разных* конфессий, разъясняющие из первых уст смысл своих учений, а «сектоведы» типа А. Дворкина, которые, понимая они это или нет, фактически разжигают межрелигиозную рознь, призывая людей «бороться с сектами».

Следующий вопрос, который нужно и можно решить, относится к проблеме межконфессиональных и государственно-конфессиональных конфликтов. До сих пор ни государственные органы, ни религиозные объединения не владеют в необходимой степени знаниями по данной проблематике. В России нет достаточного количества специалистов в области государственно-конфессиональных отношений. И если религиоведов (теоретиков) ВУЗы еще готовят, то *юристов*, обладающих в той или иной степени религиоведческими познаниями и специализирующихся в этой сфере, очень мало – 20–25 человек на всю страну, поскольку в учебных заведениях такого курса нет. Правда, в 2015–2017 годах в Казанском федеральном университете открыли магистратуру «Юридическое религиоведение», однако через три года упразднили бюджетное финансирование, а вместо этого предложили набирать контрактников. Учитывая, что специальность новая, не известная абсолютному большинству потенциальных абитуриентов, набор 2018 года провалился, несмотря на предпринятую информационную кампанию. С другой стороны, налицо социальный заказ на подобных специалистов, а, значит, государство должно было бы полностью профинансировать их подготовку, пока не появится достаточно информации о перспективах трудоустройства для выпускников.

А пока вопросами государственно-конфессиональных отношений занимаются в основном люди, не имеющие самых элементарных религиоведческих и правовых знаний. Незнание же государственными служащими и руководителями религиозных объединений существующего

законодательства в области свободы совести зачастую приводит к обоюдным конфликтам, обострению государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, а также многочисленным нарушениям прав свободы совести как со стороны чиновников, так и со стороны верующих граждан и религиозных объединений. Достаточно вспомнить пресловутый «закон Яровой»: вследствие абсолютно не подготовленного в религиоведческом и правовом отношении законопроекта, принятый закон не оправдывает возлагавшиеся на него функции защиты от экстремизма, а вместо этого наказывает верующих и религиозные организации, которые не только не имеют никакого отношения к экстремизму, но и не понимают, что этот закон от них требует.

Немаловажен вопрос о преступлениях, совершаемых на религиозной почве или кажущихся таковыми. Как показывает практика, органы дознания и следствия, сталкиваясь с подобными преступлениями, заходят в тупик, как при их квалификации, так и при проведении розыскных и следственных мероприятий.

Данные рассуждения приводят к мысли о необходимости введения в какой-либо форме курса «Религия и право» в рамках специальности «Юриспруденция». Эта необходимость продиктована как опытом правозащитных организаций и специалистов по защите свободы совести, так и анализом религиозной политики России.

А. Ю. Родин,

магистрант, Московский педагогический городской университет

ШАМАНИЗМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОШЛОГО В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ (На рубеже XIX–XX вв., на территории Алтая)

Приведены различные подходы к определению и исследованию эволюции шаманизма. Представлены этапы развития религии Г. В. Ксенофонтова и С. П. Тюхтеновой. Подробно рассмотрены факторы влияния на культовую практику, такие как: Алтайская духовная миссия; бурханизм и пропагандистская деятельность в период Советского Союза.

Ключевые слова: Алтай, шаманизм, Алтайская Духовная миссия, бурханизм, эволюция, культовая практика.

A. Yu. Rodin,

master's degree student, Moscow Pedagogical City University

SHAMANISM: A HISTORICAL APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST IN THE CULT PRACTICE (At the turn of XIX–XX centuries, in Altai)

The article presents various approaches to the definition and study of the evolution of shamanism. The stages in the development of religion G. V. Ksenofontov and S. P. Tyukhteneva. Factors of influence on cult practice, such as: Altai spiritual mission; burkhanism and propaganda activity during the Soviet Union are considered in detail.

Key words: Altai, shamanism, Altai Spiritual mission, burkhanism, evolution, cult practice.

Актуальность исследования шаманизма состоит в том, что он представляет интерес для современности в плане сохранения этнической культуры народов Сибири, в частности алтайского региона. Интерес к шаманизму как своеобразной экзотической деноминации проявляют научные круги, путешественники, экспедиции, туристы, представители разных трудовых специальностей нередко в силу соприкосновения с культовой практикой. Психологи, биологи, физиологи, например, изучают технику экстаза, совокупность методов и способов лечения депрессивных состояний, а также способность целенаправленного воздействия на присутствующих людей.

Шаманизм – одна из форм мировоззрения первобытных людей, пытавшихся объяснить окружающую действительность с позиций наличия сверхъестественных сил, на которые можно повлиять с помощью магических действий для сохранения своего рода и существования.

Например, В. Г. Богораз, называет эту религию «созданной подбором людей, наиболее нервно-неустойчивых» [2, с. 5]. Г. В. Ксенофонов был убежден, что «весь древний шаманский культ покоился на актах настоящего душевного расстройства» [3, с. 15].

«Потому первым и, возможно, наименее рискованным определением этого сложного явления будет формула: шаманизм – это техника экстаза» [8, с. 9], – дает М. Элиаде.

С. А. Токарев определил понятие шаманизм как «...особую форму религии, состоящую в выделении в обществе лиц, шаманов, которым приписывается способность путем искусственного привидения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами» [5, с. 283].

Таким образом, на основе данных определений можно выявить главный признак шаманизма – особое состояние центральной фигуры – шамана, посредством чего осуществляется коммуникация людей с миром духов. Именно этот ключевой фактор фиксируется многими исследователями у народностей Сибири, в частности у алтайцев.

Новизна исследования шаманизма заключается в использовании современных методов для получения новых данных в ходе археологических открытий, сведений опубликованной научной литературы, и результатов полевых сборов и устной истории (фольклора).

В данной работе рассматривается проявление шаманизма и его культовая практика в последнее столетие. Для объективности коснемся этапов его развития. Единого воззрения ученых и исследователей на зарождение, эволюцию проявления и его особенностей нет. Каждый автор берет за основу определенные признаки и аргументы, и на этом строит свою гипотезу. Назовем некоторые публикации и отметим их аргументацию и сделанные выводы.

Г. В. Ксенофонтов считает, что: «Производительные силы природы и основа общественного хозяйства – домашний скот служили всегда тем краеугольным камнем, на котором вырастала довольно сложная религиозная идеология» [3, с. 15]. Так как у североазиатских племен прослеживается три стадии развития хозяйства, соответственно все эти стадии также можно выделить в эволюции шаманизма. Первая – до появления домашнего животного. Для этой стадии характерен беспорядочный тотемизм, «когда божеством представлялось чаще всего обыкновенным диким зверем» [3, с. 16]. Мимолетные следы пережитков этого периода, зафиксированы Г. В. Ксенофонтовым зимою 1924 года в селе Булуне. «Тунгусский шаман Кубача вошел в юрту, поддерживаемый сзади двумя мужчинами, чтобы начать свою мистерию, с глухим медвежьим рычанием, для меня было не совсем ясно, что в эти моменты он сохраняет нормальное сознание, ибо даже очень опытному актеру было бы трудно так натурально разыграть дикого зверя» [3, с. 16]. Вторая, «когда бог значительно культивировался, принимая образы тех или других домашних животных» [3, с. 16]. На данной стадии «...умопомешательство жреца сводилось в ощущении себя домашним животным и нахождении в самом себе всех его признаков» [3, с. 16]. Третий период связан с применением рабского труда – это «период антропоморфных богов». Для данного периода характерно деперсонализация жреца (одержимость духами). Обобщая вышеуказанные периоды, Г. В. Ксенофонтов делает следующий вывод: «...перемены господствующих форм хозяйства должны иметь своим неизбежным последствием и смену религиозных представлений человека» [3, с. 9].

Л. Чанчибаева в своем исследовании аргументировано предполагает, что изменения в шаманизме, которые произошли за 50 лет напрямую связано с вымиранием носителей культуры. Автор делает краткий обзор эволюции дошаманских представлений на основе полученных полевых материалов первой половины XX столетия и собранных на момент написания статьи. Это период с 1928 по 1978 гг. Так изготовление изображений духов, помещаемых в переднем углу или у двери юрты, «старики делают сами, когда в более ранний период это делали исключительно шаманы» [7, с. 102]. Соблюдение обрядов и отправления культа сохраняется, по замечаниям исследователя, «лишь у старшего поколения, которые родились и выросли в обстановки старого традиционного быта» [7, с. 102]. Либо в отдаленных, глухих селениях. Л. Чанчибаева констатирует, «что алтайское шаманство как религиозная система ... разрушилось и как таковое уже не существует» [7, с. 102], с чем мы полностью согласны.

С. П. Тюхтенева [6] основывает свои исследования на этно- и культурогенезе населения. Она считает, что именно эти процессы могли повлиять на эволюцию шаманизма. В связи с этим она выделяет три этапа развития духовной культуры и шаманизма у народов Алтая.

Однако для шаманизма С. П. Тюхтенева выделяет следующие этапы: 1) древнетюркский, 2) Монгольская империя, 3) тесное соприкосновение предков алтайцев с мировыми религиями. Первый этап, характеризующий сосуществованием развитого, имевшего статус государственной религии шаманизма с архаическими верованиями. На втором этапе происходит знакомство с такими религиями как: буддизм, зороастризм, манихейство, исламом, христианством и др. Третий этап это Алтайская духовная миссия с одной стороны и пришедший в 1904 году бурханизм с другой.

Мы же склоняемся к мнению, что шаманизм это достаточно гибкая система верования, она постоянно рефлектирует с социумом, так как шаманизм – явление социально, в связи, с чем подвержено деформации. Шаман избирался из числа стариков, старейшин, знающих людей и т. д. Ярким примером служит биография В. Г. Богораза, который был избран «чукотским королем». К нему наведывались с подарками молодые шаманы, с целью выпросить у В. Г. Богораза средство борьбы против весенней слепоты. А вот наследственная передача шаманского дара не более чем отражение идеологии общества на рубеже XIX–XX вв. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные А. В. Анохиным в 10-е – годы прошлого столетия. В этот период на Алтае существовал патриархально-феодальный строй, где имело значение социальное происхождение, укрепления статуса, в том числе и статуса шамана. В это

время происходит разделение на сильных шаманов, у которых в роду были шаманы, и малых шаманов, которые были избраны духами, но не прослеживалась генетическая связь с предком – шаманом. Соответственно и проблема избранничества должна была отвечать идеологическим взглядам того времени.

Мы также хотим отметить сильное влияние культурного обмена на эволюцию шаманизма. Более того отсутствие священных писаний в шаманизме способствовало его толерантности и естественной синкретизации практически с любой религией. Можно предположить, что алтайцам был присущ религиозный синкретизм.

На основании вышеизложенных мнений различных исследователей, мы полагаем, что на шаманизм оказывалось давление со стороны Алтайской духовной миссии с 1828 года, а также бурханизма с 1904 года. Рассмотрим более подробно эти два фактора.

Одним из главных принципов Алтайской духовной миссии была симфония. Заключалась оно в том, что вся жизнь, и на поверхности, и в историческом процессе, должна стремиться к тому, чтобы в них сиял свет Христов. В связи с этим миссионеры много трудились над усвоением культурных традиций алтайцев и бережно хранили национальную алтайскую культуру. Протоиерей Василий Вербицкий был первым таким исследователем образа жизни аборигенов. Его работа по этнографии «Алтайские инородцы», она и в наше время остается актуальной для исследователей-алтаеведов.

В последние годы XIX столетия и начало XX века происходит ассимиляция аборигенов с переселенцами из Европейской части России.

В эти же годы происходит переход от кочевого быта к оседлости. Создание комфортной жизни теряло сакральное чувство природного дома для алтайцев.

В 1882 году появляются первые миссионеры из числа аборигенов. Данный феномен не случайность, а скорее всего результат культурного обмена. На данном этапе происходит подмена образа шамана священником. По представлениям алтайцев, священник выполнял те же функции, что и шаман, был медиатором между миром людей и миром богов.

Есть также немало фактов свидетельствующих об обратной рефлексии шаманизма с другими религиями. О случаях обращения православных священников к шаманам не редкость. «В. Г. Богораз-Тан устно сообщил мне, что колымский протопоп обратился однажды во время своей болезни за помощью к якутским шаманам» [4, с. 350], – пишет Н. М. Маторин. «В XVIII веке нашелся священник в Тобольской провинции Белгородской волости, Дорофей Скосырев, который побратался

с остяцким идолом и за деньги разрешил новокрещеным осяткам совершать прежние их идолослужения. За такую вину поп был лишен сана» [4, с. 350]. Причина обращения русских к шаманам, мы полагаем рассматривать как психологическую тягу к традиционному поведению, нежели мировоззренческий индифферентизм.

В 1904 году на территорию Алтая приходят проповедники «бурханизма».

На этом этапе происходит раскол, шаманы стали делиться на «черных» и «белых». Черные шаманы придерживались старых обрядов и практик. Белые шаманы характеризовались отказом от кровавых жертв, заменив их кумысом, молоком, аракой (молочная водка). Но главным отличием бурханизма от классического шаманизма состояло в том, что в бурханизме отсутствовала «шаманская болезнь». Об этом главным отличительным признаке «черного» шамана от «белого» известно еще в древнетюрском периоде, «белый» шаман назывался — ялвичи и его отличало от других, что он начинал камлать, не входя в состояния экстаза. Более того, в эпоху патриархально-феодального строя, где шаманизм имел свою собственную иерархию, бурханизм играл роль религиозно-реформаторской деятельности.

Всего лишь за 10 лет своего существования, новое движение вытесняло старые традиционные верования. Вот как об этом написано в отчете: «Недавняя буря бурханизма, пронёсшаяся из Монголии по горному Алтаю ... почти смела с лица Алтая шаманизм...» [1, с. 9].

В 1930 году начинается активная борьба с «опиумом для народа» на территории Алтая. Шаманизм был признан религией, шаманы подвергались репрессиям, что повлияло на уменьшение количества носителей традиционной культуры и веры.

В связи, с чем у нас напрашивается вывод, что шаманизм, как традиционное верование с уходящими далеко в древность истоками исчезает, а по смелому высказыванию Л. Чанчибаевой, к 1978 году исчез как религиозное верование.

Библиографический список

1. Алтайская духовная миссия. Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 год / [начальник Алт. миссии епископ Иннокентий]. Томск : Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1915. 96 с.; 20 см.
2. Богораз В. Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. 1910. № 1-2. С. 5–6.
3. Культ сумасшествия в Урало-Алтайском шаманизме : (К вопросу об «умирающем и воскресающем боге») / Г. В. Ксенофонтов; с предисл. А. Окладникова. Иркутск : тип. изд-ва «Власть труда», 1929. 19 с.

4. *Маторин Н. М.* К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно общественной деятельности. 1882–1932 гг. Л., 1934. С. 337–358.

5. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М. : Наука, 1964. 589 с.

6. *Тюхтенева С. П.* Панорама религиозной жизни алтайцев: от древности до современности // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература, 2008. С. 242–256.

7. *Чанчибаева Л.* О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 90–104.

8. *Элиаде М.* Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев : София, 1998. 336 с.

З. Т. Садвокасова,

профессор, Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова
Комитета науки Министерства образования и науки (Республика Казахстан)

МЕСТО КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Освещается место и роль казахской интеллигенции в протестном движении против царской и советской власти. Главной их целью была борьба за независимость и восстановление казахской государственности. На основе архивных материалов показана деятельность представителей «Алаш» в начальный период советского строительства.

Ключевые слова: казахская интеллигенция, независимость, выступление, национально-освободительное движение, партия «Алаш».

Z. T. Sadvokasova,

professor, Institute of History and Ethnology named after Ch. Ch. Valikhanov
of the Science Committee of the Ministry of Education and Science
(Republic of Kazakhstan)

PLACE OF KAZAKH INTELLIGENTSIA IN THE NATIONAL LIBERATION MOVEMENT

The article demonstrates the place and role of the Kazakh intelligentsia in the protest movement against the tsarist and Soviet authorities. Their main goal was the struggle for independence and the restoration of Kazakh statehood. On the basis of archival materials, the activities of representatives of “Alash” in the initial period of Soviet construction are shown.

Key words: Kazakh intelligentsia, independence, struggle, national liberation movement, Alash party.

В конце XIX века на историческую арену выходят представители казахской интеллигенции. Основная их часть была представлена потомками Чингиз хана, т. е. «белой кости» – и понятно, по сравнению с другими слоями населения материально обеспечена и имела возможность обучаться в высших учебных заведениях. Завершив учебу, образованная молодежь возвращалась в родные края и пыталась изменить жизнь своего народа, связывая перемены

Статья написана в рамках выполнения научно-технической программы: BR05233709 «История и культура Великой степи» по теме исследования: «Национально-освободительное движение в Казахстане в контексте сохранения и укрепления национальной идентичности» с получением независимости. Участие их в работе Государственной Думы, выступления на ее заседаниях с протестами против проводимой политики, образование партии «Алаш», издание печатного органа – газеты «Казах» и т. д. можно отнести к мирной форме национально-освободительного движения. Вооруженные выступления в казахской степи с участием широких народных масс, протесты казахской интеллигенции имели одну цель – освобождение от колониальной зависимости и восстановление независимости, казахской государственности.

Казахской интеллигенции, принимавшей активное участие в национально-освободительном движении, в деятельности «Алаш», в противостоянии в период революций посвящено немало научных трудов как советских, так и современных историков. Автор монографии «Движение Алаш и Алаш-Орда: историография проблемы 1920–1990-е годы» Р. К. Нурмагамбетова делит изучение данной проблемы в советской истории на несколько периодов. Они связаны с существующей идеологией. Исследователь указывает, что «в советской историографии история Алаш и Алаш-Орды с конца 1920-х годов фактически выпала из истории национально-освободительного движения казахского народа» [15, с. 7]. Большевики не допускали упоминания имен алашской интеллигенции, так как исходя, из классового подхода их отнесли к «врагам народа», «буржуазным националистам». В этом ключе писались научные труды советских историков, появлялись статьи в газетах и журналах [4, 6–9, 16, 17].

Коренной перелом в изучении места и роли казахской интеллигенции в истории произошел в годы перестройки и в период независимости. Реабилитированы почти все передовые члены казахского общества, переводятся на русский язык и публикуются их труды, проводятся научные форумы, посвященные отдельным личностям, и в целом национально-освободительному движению, издаются книги в Казахстане

и за его пределами, раскрывающие их деятельность в имперский период [2–5, 10–14, 20].

И на современном этапе продолжается изучение места и роли казахской интеллигенции в национально-освободительном движении. Источники раскрывают новые грани ее деятельности. Свержение самодержавия, двоевластие, поддержка Временного правительства (работа в его комитетах на местах), борьба против советов – основные этапы прошедшего пути до октябрьского переворота, казахской интеллигенцией.

Сложно строго отделить представителей партии «Алаш» и казахскую интеллигенцию, так как основной костяк алашординцев состоял из числа образованных и интеллигентных людей. Поэтому, в данной статье мы позволили себе объединить в одну группу эти исторические личности.

В обращении от 7 июня 1919 года Западного отделения Алаш-Орды по поводу оказания им помощи руководителю белого движения в годы гражданской войны Колчаку дается сжатый отчет о проведенной работе. В нем указывается, что создана судебная власть, руководствующаяся, «всеми ранее действовавшими общероссийскими уголовным и общегражданским кодексами и уставами Александра II; урегулировало также и полицейскую часть управления», заканчивается словами: «Считаем себя частью единой и неразделимой России и глубоко сознаем, что нынешняя полумертвая Россия может воскреснуть и стать опять в ряды великих держав лишь после того, как будет уничтожена власть, губителей всякой цивилизации, большевиков. Западное отделение Алаш-Орды питает надежду, что Вы отнесетесь благосклонно к нуждам нашего края и народа. Надежда наша подкрепляется психологическим и юридическим сознанием нашим, что мы являемся небольшим притоком того большого течения, руководство которым судьбе угодно было воздвигнуть на Вас» [18, л. 92–94].

К числу самых ярых противников советской власти отнесли в годы гражданской войны лидера алашского движения А. Букейханова, расстрелянного в 1937 году за принадлежность к «террористической организации». А. Н. Букейханов был назначен комиссаром Временного Правительства по Тургайской области. На его имя приходили телеграммы от центрального правительства с указанием необходимых действий для укрепления власти. В июле 1917 из Петрограда была получена телеграмма от Управляющего Министерством Внутренних Дел Церетелли, где перечислялись обязанности представителя государственного аппарата. Телеграммы публиковались в местной печати и жители были в курсе событий. В газете «Тургайские областные ведомости» от 29 июля 1917 года было помещено очередное известие. «Решительная борьба против всякой анархии и контрреволюции, как

единственный выход из критического положения страны, при объединенном действии всех живых сил народа, указана в программе Временного Правительства 8 июля и моих руководящих телеграммах 17 июля.

Сообщаю в развитие данных указаний нижеследующее: Комиссар опираясь в своей деятельности на объединенную демократическую организацию, является прежде всего, представителем власти центрального правительства и проводит его политику, не допуская никаких отклонений от нее, в пользу каких либо местных или партийных влияний комиссара, нагубное в переживаемые дни великих испытаний я, буду считать достаточным и неизбежным основанием, для увольнения несоответствующего назначения представителя Государственной власти.

За попытки проводить какие бы ни было противоречащие политике Временного Правительства течения, а тем более, за содействие или попустительство захватам и самочинным действиям каких либо групп или контрреволюционным начинаниям, я буду предавать виновных в том числе Комиссаров суду. Нет места колебаниям и разрозненным действиям, спасти страну от распада может только сильная объединенная власть. Управляющий Министерством Внутренних Дел Церетелли» [21]. Из содержания телеграммы следует, что на получателя возложены серьезные задачи и в случае слабого руководства он несет серьезную ответственность, вплоть до предания суду. А. Букейханов четко выполнял поручения вышестоящих органов, как комиссар Временного правительства, чем порой вызывал недовольство своих классовых противников, которые находили нелестные эпитеты ему и другим представителям интеллигенции. «Все интеллигенты-националисты до небес поднимали Алихана Букейханова, считая его мудрым и законным лидером всей Алаш. Они не жалели сил и средств для доказательства своей правоты и готовы были топтать ногами инакомыслящих.

Букейханов прибыл на Сибирской съезд, побывал Омске и Семипалатинске, выступал с речами. Образованные господа, маститые националисты, торгаши-коммерсанты, учащая молодежь – байские сынки, выйдя в дорогу, с почетом встретили Букейханова» [22, л. 121]. Автор далее обвиняет алашординцев в том, что они не выступили на стороне диктатуры пролетариата. Видимо он не знал, что казахская интеллигенция искала пути сближения с советами. Но большевики, ранее обещавшие решить национальный вопрос, впоследствии отказались рассматривать его, так как видели лишь возможность культурно-национальной автономии, что совершенно не соответ-

вовало образованию независимого государства. Вынужденные пойти против линии коммунистов, большинство казахской интеллигенции дорого заплатили за свои взгляды. Два всеказахских съезда, прошедших в одном 1917 году, где обсуждались важные вопросы будущего народа, показали сложность ситуации. «Руководитель Алаш-Орды и его члены с первых дней революции выступили бешеными противниками советской власти. Газеты Алаш-Орды громко обливали грязью большевиков, всячески клеветали основателей советской власти. «Большевики являются секретными агентами немцев, продались им за деньги», – лихорадочно твердили газеты. В газете «Казах» от 14 ноября 1917 года Букейханов, его «единоверцы» опубликовали гнусную статью против партии большевиков.

Таким образом, и второй Всеказахский съезд оказался в руках баев, хаджи, бывших волостных и «святых» хазретов» [22, л. 125].

Стремление участвовать в различных органах управления советского государства показывает, что эта прогрессивная часть общества предпринимала попытки влиять на решения правительства в пользу сохранения нации. Многим представителям казахской интеллигенции большевики не простили участие в противостоянии. Даже ответственная и преданная работа в учреждениях советского аппарата не спасла их. Довольно часто напоминали принадлежность к партии «Алаш» и алашскому движению. Так, один из участников алашского движения в Северном Казахстане Ж. Тлеулин после победы советской власти посвятил свою жизнь

педагогической работе которой порой мешало преследование, за прошлое, а именно участие в алашском движении. Некоторые рьяные сторонники советской власти никак не могли смириться, с объявленной в 1919 году, амнистией алашординцев подбирая удобный момент, устраивали на них новые нападки, наносили очередной удар. В апреле 1921 г. вышел документ, где разъяснялось, что на основании решений Революционного Военного Совета Туркфронта от 20 ноября 1920 г., ВЧК, позже КИРЦИКОМа и губревкома прекратить преследование бывших участников алашского движения [19, л. 132]. Тем не менее, дело было доведено до расстрела Ж. Тлеулина в 1938 году.

Таким образом, казахская интеллигенция заняла достойное место в национально-освободительном движении, используя лишь мирные средства борьбы.

Библиографический список

1. «Алаш Орда»: сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Кзыл-Орда, 1929 г.
2. *Аманжолова Д. А.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы : Таймас, 2009.
3. *Ауанасова А. М.* Национальная интеллигенция Казахстана в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1993.
4. *Ахметова Л. С.* и др. Алихан Букейханов – поиск ориентиров. Ахмет Байтурсунов – главное обретение независимости. Турар Рыскулов – яркий политик советского Востока. Астана, 2008.
5. *Байтелесова Ж.* Негасимая звезда в плеяде казахской интеллигенции (об А. Байтурсунове). Алма-Ата : Мектеп, 1998.
6. *Бочагов А. К.* «Алаш-Орда»: краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кзыл-Орда, 1927.
7. *Брайнин С., Шафиро Ш.* К вопросу о роли казахской национальной интеллигенции в 1917 г. // Большевик Казахстана. 1933. № 4.
8. Великий Октябрь и социально-экономический прогресс Казахстана: историография: опыт и проблемы : сб. ст. / АН КазССР, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова ; сост.: Н. Алимбаев, В. К. Янулов ; под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата : Наука КазССР, 1987.
9. *Григорьев В. К.* Противостояние: (Большевики и непролетарские партии в Казахстане, 1917–1920 гг.). Алма-Ата : Казахстан, 1989.
10. Движение Алаш. Апрель 1920–1928 гг. / сост. М. Койгельдиев. Алматы : Ел-шежире, 2007.
11. *Құл-Мұхаммед М.* Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Алматы : Атамура, 1995.
12. *Кыдыралина Ж. У.* Алимхан Ермеков. Астана : Фолиант, 2012.
13. Материалы международной научно-практической конференции в честь 100-летия «Алаш-Орды» «Алаш-Орда»: воплощение идеи независимости Казахстана. Алматы : Международный университет информационных технологий, 2017.
14. *Муканов К.* Жумагали Тлеулин : документальная биография. Алматы : Жибек жолы, 2005.
15. *Нурмагамбетова Р. К.* Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920–1990-е гг. XX века. Алматы, 2003.
16. *Рибас.* «Алаш-ординцам» нет места в Советах // Мир труда. 1922. 9 авг.
17. *Рысаков П.* Алашордынская контрабанда // Правда. 1935. 13 апр.
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1646.
19. Северо-Казахстанский областной архив. Ф. 55. Оп. 4. Д. 1.
20. *Тугай Т. И.* Оренбургский путь Ахмета Байтурсунова. Оренбург : Университет, 2017.
21. Тургайские областные ведомости. 1917. 29 июля.
22. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 15. Д. 188. С. 121–125.

В. В. Солдатов,

доцент, Ивановский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ А. СМИТА В РОССИИ (начало XIX века)

Начало XIX века в России характеризовалось распространением экономического учения А. Смита, ставшее теоретической основой формирования мировоззрения новой интеллигенции.

Ключевые слова: экономическое учение, богатство, труд, простой продукт.

V. V. Soldatov,

associate professor, Ivanovo State University

THE ECONOMIC DOCTRINE OF A. SMITH IN RUSSIA (the beginning of the XIX century)

The beginning of the XIX century in Russia characterized by the spread of economic doctrine of A. Smith, which became the theoretical basis for the formation of worldview of the new intelligentsia.

Key words: economic doctrine, wealth, work, simple product.

А. С. Пушкин характеризовал Евгения Онегина следующим образом: «...читал Адама Смита, / и был глубокий эконо́м, / то есть умел судить о том, / как государство богатеет, / и чем живет, и почему / не нужно золото ему, / когда *простой продукт* имеет» [1, т. 5. с. 10–11].

В приведенном выше отрывке, А. С. Пушкин подчеркнул три основополагающих положения политической экономии богатства:

- предметом науки является исследование причин и источников богатства народа;
- драгоценные металлы не являются богатством, а лишь средством его достижения;
- истинным источником богатства является труд, создающий простой продукт [2, с. 13].

Такое понимание А. С. Пушкиным политической экономии богатства было обусловлено двумя основными положениями: простотой и естественностью, разработанного А. Смитом, механизма функционирования рыночной экономики или общества естественной свободы и государственной политикой в области изучения этой науки.

Простота и естественность экономического учения А. Смита определялась общественной потребностью в его создании и достаточным уровнем развития предмета исследования.

Становление этого учения происходило в процессе формирования рыночной экономики в передовых странах Западной Европы и США и отражало усиление экономического и политического могущества зарождающейся буржуазии. Буржуазия была заинтересована в создании экономического учения, которое могло бы использоваться как механизм функционирования рыночной экономики и как идеологическая оружие борьбы с феодальными пережитками.

Назревшая объективная потребность в создании указанной экономической теории была реализована А. Смитом в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов (1776 г.).

Содержание этого учения можно свести к доказательству следующих основных положений.

Первое положение связано с определением основного мотива трудовой деятельности в условиях рыночной экономики, отражающего стремление каждого человека к соблюдению своих собственных интересов.

В повседневной деятельности каждый человек придерживается следующего основополагающего мотива: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе» [3, с. 128].

В этом процессе мотив собственных интересов человека становится не только основой развития, но и служит ориентирующим началом превращения отдельных людей в устойчивое общество. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к эгоизму и всегда говорим им не о наших нуждах, но лишь об их выгодах [3, с. 129].

Соблюдая свою выгоду, каждый человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение своему труду или капиталу, которыми он может распоряжаться. Его стремление к выгоде неизбежно приводит к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу.

Заинтересованный в своей выгоде человек более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно старается служить ему [4, с. 30–32].

Второе положение отражает существование системообразующего свойства, устанавливающего взаимосвязь и взаимозависимость между людьми в трудовой деятельности и предполагающее постоянное развитие разделения труда.

Системообразующим свойством становится постоянно развивающееся разделение труда, повышающее его производительность и понижающее стоимость продукта, созданного этим трудом. Постоянно развивающееся разделение труда становится основой решающих изменений в процессе обмена продуктами. В то время, когда труд еще не делился на специальности, затраченное время могло служить основанием для обмена, но когда установилось разделение труда, ситуация изменилась. Во-первых, обмен сделался неизбежным уже потому, что каждый не мог обеспечить себя всем необходимым. Во-вторых, богатство индивидуума стало определяться его максимальной возможностью приобретать продукты чужого труда путем обмена на свой продукт [3, с. 125].

Третье положение отражает обязательное условие существования системообразующего свойства, связанное с необходимостью постоянно поддержания свободной конкуренции.

Увеличение богатства общества и каждого отдельного человека связано с производством товаров, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых действие конкуренции не подвергается никаким ограничениям [5, с. 2].

Значение конкуренции заключается в том, что она понижает ценность продукта на всю сумму сбереженных издержек производства, как только раскрыта тайна изобретения. С этого момента потребители начинают получать выгоду от этого изобретения [6, с. 40].

Четвертое положение предполагает постоянный рост производства, соответственно, и возрастание потребления, как основной цели развития общества.

Разделение труда всегда ограничивается размерами рынка. В случае если рынок незначителен, ни у кого не может быть побуждения посвящать себя целиком какому-либо одному занятию за неимением возможности обменять весь избыток продукта своего труда сверх собственного потребления на необходимые продукты труда других людей [3, с. 132].

Пятое положение определяется необходимостью социальной поддержки человека, которое должно стать предметом экономической деятельности государства.

Экономическая деятельность государства должна быть направлена на выполнение следующих социальных функций.

Во-первых, ограждать общество от насилия и вторжения других независимых обществ.

Во-вторых, ограждать, по возможности, члена и общество от несправедливости и угнетения со стороны других его членов.

В-третьих, создавать и содержать общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп.

Прибыль от их не сможет оплатить издержки отдельному лицу или небольшим групп, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу [3, с. 231].

В-четвертых, обеспечить естественную свободу заниматься по своему усмотрению любой профессией для всех граждан.

Таким образом, экономическое учение А. Смита представляет собой целостный механизм функционирования рыночной экономики и может служить идеологическим оружием буржуазии в борьбе с феодальными пережитками.

Второе положение предполагает рассмотрение государственной политики в области изучения экономического учения А. Смита в России в начале XIX века.

Распространение взглядов А. Смита в России началось в последней четверти XVIII века. В это время в Россию из Глазговского университета возвратились два воспитанника Московского университета Сергей Ефимович Десницкий (из Твери) и Иван Андреевич Третьяков (из Нежина). Прослушав лекции А. Смита, они стали включать политэкономическую проблематику в лекции по юриспруденции, освящая ее в духе А. Смита, а И. А. Третьяков даже написал работу «Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как и древних так и нынешних народов».

В 1803 году политическая экономия и статистика были утверждены в числе наук, которыми должна заниматься Академия наук и которые должны преподаваться в вузах страны. Экономическое учение А. Смита вошло в программы учебных заведений Санкт-Петербурга: Учительской гимназии, Царскосельского лицея (где с ней, ознакомился А. С. Пушкин), Педагогического института и Главного педагогического института, преобразованного в 1819 году в университет, а также и других учебных заведений нашей страны.

Ознакомление студентов с экономическим учением А. Смита стало основой формирования мировоззрения новой русской интеллигенции, так как без изучения экономической стороны жизни невозможно воспитать человека с твердыми нравственными устоями.

Таким образом, в России была разработана и претворена в жизнь государственная политика, в области изучения политической экономии и статистики, в духе экономического учения А. Смита.

Библиографический список

1. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1979. Т. 5.
2. *Солдатов В. В.* Основные направления становления теории заработной платы (конец XVII – начало XX века). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005.

3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Наука, 1992. Кн. I-III.
4. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. М. ; Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Т. 2.
5. *Рикардо Д.* Начало политической экономии и налогового обложения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1941. Т. 1.
6. *Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономике. Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии / сост., вступ. ст., коммент. М. К. Бункина, А. М. Семенов. М. : Дело, 2000.

П. Н. Сушко,

старший научный сотрудник, Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник
(Республика Казахстан, Усть-Каменогорск)

**ИКОНА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО
С ЧЕТЫРЬМЯ ЖИТИЙНЫМИ КЛЕЙМАМИ В ИПОСТАСИ
МОЖАЙСКОГО ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Рассматривается редкая по иконографии икона святого Николая Мирликийского в образе Можайского из собрания музея-заповедника, имеющая аналогию в житийном сюжете с иконами из собраний Государственного Русского музея Санкт-Петербурга и Синайского монастыря в Греции.

Ключевые слова: иконография, святой Николай Мирликийский и Можайский, меч, храм, Сионская молитва, белый Архангел, Русский музей, Синайский монастырь.

P. N. Sushko,

senior researcher department, East Kazakhstan Regional Architectural and Ethnographic and Natural Landscape Museum Reserve
(Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

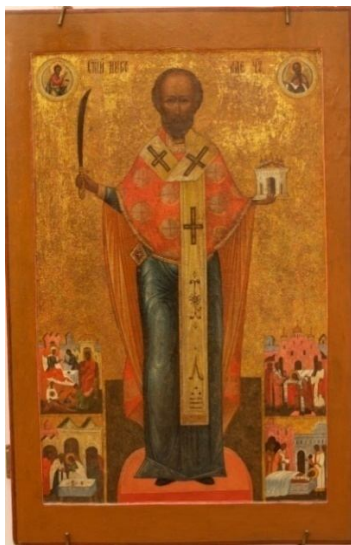
**THE ICON OF SAINT NICHOLAS OF MYRALIYK
WITH FOUR LIVING STAMPS IN THE ROLE OF MOZHAISKY
FROM THE COLLECTION OF THE MUSEUM**

The article deals with a rare iconography of St. Nicholas of Mirlikiya in the image of Mozhaisky from the collection of the Museum-Reserve, which has an analogy in the life story with icons from the collections of the State Russian Museum of St. Petersburg and the Sinai Monastery in Greece.

Key words: iconography, St. Nicholas of Mirlikiya and Mozhaisk, sword, temple, Zion prayer, white Archangel, Russian Museum, Sinai Monastery.

В 1972 году музею-заповеднику была подарена икона «Святитель Николай Мирликийский»¹ (ил. 1). Владелица артефакта – Серова, Матрена Ивановна, 1902 года рождения, жительница села Поперечное, находившегося в административном подчинении города Лениногорска (ныне – Риддера). По сведениям дарительницы, икона была приобретена в «лавке».

Щит иконы склеен из трех частей, соединенных четырьмя диагональными шпонками-«ласточками» и двумя встречными врезными шпонками. Имеется неглубокий ковчег. Икона прошла реставрацию во Всесоюзном объединении «Союзреставрация», СНРПМ-2, г. Москва в 1986–1992 гг. Художник-реставратор Оксана Спартакровна Тульпа [8].

Ил. 1

В ковчеге иконы мы видим ростовое изображение святителя Николая Мирликийского в ипостаси Можайского, в правой руке держащего меч, поднятый клинком в верх, в левой – миниатюрный храм

¹ ВКЕМЗ-ГИК-13-3863, ИДГ15, Святитель Николай Мирликийский с четырьмя житийными клеймами в ипостаси Можайского, вторая половина XVIII в., дерево, левкас, паволока тканая, левкас, позолота, темпера, 111х75х4 см

с пятью главами. В верхних углах ковчега имеются элементы никейской композиции, круглые клейма с развернутыми $\frac{3}{4}$ в сторону святителя полуфигурами: Иисуса Христа, благословляющего святителя двуперстием, с закрытым Евангелием в руке (слева) и Богородицы, с белым омофором в руках (справа).

Святитель одет в фелонь красного цвета, с каймой, украшенной полосами из белых точек жемчужки. Поле фелони украшено крестами коричневого цвета на фоне золотистых кругов. Подкладка фелони – желтого цвета со светло-коричневыми притенениями. Подризник – зеленого цвета с белыми пробелами и золотистыми обшлагами. Ворот подризника и обшлаг украшены полосками белой жемчужки и самоцветных камней. Омофор – бледно-желтого цвета, украшенный крестами с темно-коричневой окантовкой и орнаментальными арабесками внизу. Лики – цвета желто-коричневой охры. Волосы, усы, борода и глаза святителя – коричневые. Иисус Христос одет в красный хитон и зеленый гиматий, Богородица – в коричневый мафорий и синюю тунику.

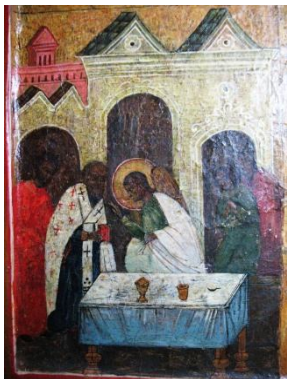
Фон – позолоченный с реставрационными тонировками. Поля – светло-коричневого цвета. Рамка ковчега двойная: из красной и белой линий. Опушь – двойная: из красной и темно-коричневой линий. Письмо каноническое. Икона русская.

На верхнем поле надпись: слева – **СТЫЙ** Титло **НИКО** / справа/ **ЛАЕ ЧУ** Титло.

Иконография образа навеяна старинным преданием о спасении города Можайска от нападения монгольского войска небесным образом святителя Николая в образе воина с мечом в правой руке и с храмом в левой. В память о чудесном снятии осады появился деревянный ростовой образ, получивший местное название «Никола Можайский», ныне хранящийся в Третьяковской галерее. Он послужил протографом для иконы святителя на Никольской башне Московского Кремля [4, с. 229–231; 7, с. 7–8].

Обратимся к житийным клеймам в нижней части средника иконы. В клеймах, размещены четыре избранные сцены из жития святителя Николая Мирликийского (сверху-вниз): Рождество и Сионская молитва (служба) – слева, Хиротония во епископы и Успение – справа.

Среди названных сюжетов клейм особый интерес представляет левая нижняя житийная сцена (ил. 2), где мы видим, как Архангел в белом гиматии назидательно склоняется в сторону Николая, в руках которого – Святое Евангелие, а рядом, на престоле, стоит евхаристический потир.

Ил. 2

Истоки этого сюжета находим в житийном тексте, в котором сообщается, что молящийся Николай, решивший навсегда уединиться от мира в стенах Сионской обители, услышал чудный голос: «**Уйди отсюда и пойдя в мир к людям...**». Небесное предзнаменование было исполнено, праведник вернулся в мирскую жизнь и до конца своей жизни был справедливым и милосердным пастырем христиан города Никеи и стойким борцом за истинную веру [4, с. 32–33].

Как видим, иконописец персонифицировал чудный Божественный глас в образ белого Архангела. Отсутствие нимба вокруг головы будущего святителя можно объяснить плохой сохранностью клейма.

Подобный иконографический сюжет, который можно назвать как «Сионская молитва (или служба)», необычайно редок для житийных икон святителя Николая Чудотворца.

Такого иконографического сюжета нет в житийных иконах святителя Николая, опубликованных в двухтомном каталоге Государственной Третьяковской галереи [1, 2].

Вместе с тем, в собрании Государственного Русского музея Санкт-Петербурга имеется икона XIII века «Святитель Николай Мирликийский в житии», происходящая из храма села Любонь Боровичского района Новгородской области, где в левой части средника изображена близкая по сюжету житийная сцена с названием «Служба Николы». Здесь святитель также изображен слева от престола, на котором стоит потир и лежит закрытое Евангелие. Нет лишь в сцене фигуры Архангела, что соответствует житийному тексту, где говорится лишь о чудном голосе.

Как отметил Николай Васильевич Перцев, подобный сюжет еще имеется в двух иконах, датируемых XII и XIII веками, принадлежащих Синайскому монастырю в Греции [6, с. 5, ил. № 1; 5, с. 84–91].

Таким образом, можно констатировать, что икона святителя Николая в ипостаси Можайского из собрания Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника обладает уникальными особенностями в своей иконографии, имеющей корни в древних протографах. Образ написан в лучших традициях русской канонической иконописи во второй половине XVIII в. Судя по размерам и киоту, является – храмовым.

Меч святителя напоминает по форме турецкую саблю под названием «килич (или килидж, кылыч, клыч)». Такой тип меча, возможно, представляет тонкую аллюзию на восточное происхождение иноземного войска, осадившего город Можайск. Изображение этого типа холодного оружия говорит и в пользу датировки иконы: в XVIII веке эта сабля была хорошо известна русским воинам [9].

Исходя из сведений, приведенных в приемном акте, икона была приобретена дарительницей, предположительно, в церковной лавке, куда она могла поступить из закрытого в советский период соседнего храма.

Прошедшая через безумный огонь воинствующего атеизма XX века, чудом сохранившаяся, икона и поныне восхищает красотой композиции, изысканностью колорита и вдохновенным образом чудотворца и защитника страждущих, святителя Николая, который в ипостаси Можайского органично вошел в золотой фонд русского фольклора. В частности, как верный помощник в морских приключениях новгородских купцов, описанных в былине «Садко» [3, с. 109–111]. Былина сохранилась в разных вариантах. Фрагмент одного из них, связанный с Николой Можайским, находим в житийном сборнике, где говорится, как Садко выполняет горячий наказ новгородских купцов-сотоварищей по морскому путешествию о строительстве храма в честь святого-скоропослушника:

Вложил Бог желанье в ретиво сердце,
Шед Садко, Божий храм соорудил
Во имя Николая Можайскаго,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашивал,
Иконы чистым жемчугом усадил,
Царския двери вызолачивал...

[4, с. 442–443].

Библиографический список

1. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 1 : XI – начало XVI века. М. : Искусство, 1963. 394 с., 256 ил.
2. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2 : XVI – начало XVIII века. М. : Искусство, 1963. 570 с., 179 ил.
3. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести : сб. / сост. В. П. Аникин, Д. С. Лихачев, Т. В. Михельсон. М. : Детская литература, 1998.
4. Житие и чудеса Николая Чудотворца. М. : Новая книга // Ковчег, 2004.
5. Перцев Н. В. Икона «Николы» из Любони // Сообщения Государственного Русского музея. Л. : Советский художник, 1968. IX.
6. Смирнова Э. С. Живопись Древней Руси (находки и открытия) : альбом. Л. : Аврора, 1970. 57 ил.
7. Шведова М. Николин день (образ святого Николая в русской иконописи) // Юный художник. 2003. № 12.
8. Тульпа. URL: <http://www.jobinmoscow.ru/linkres.php?link=1144410147/http://ioannpredtech.ru/2014/10/30/nagrazhdenie-restavratorov-monastyrya/> (дата обращения: 18.10.2018).
9. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Килич/ (дата обращения: 07.12.2018).

С. М. Усманов,

профессор, Ивановский государственный университет

ПРЕДСМЕРТНЫЙ СОН НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Автор изучает итоговые размышления и труды Николая Бердяева. Особое место в авторском анализе занимает обоснование актуальности наследия Николая Бердяева в нынешней России.

Ключевые слова: Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Россия.

S. M. Usmanov,

professor, Ivanovo State University

THE DYING DREAM OF NIKOLAS BERDYAEV

The author studies the final reflections and works of Nikolas Berdyaev. A special place in the author's analysis is occupied by the substantiation of the relevance of the heritage of Nikolas Berdyaev in contemporary Russia.

Key words: Nikolas Berdyaev, Pitirim Sorokin, Russia.

В 1960 г. в известном органе русской эмиграции, «Новом журнале», были опубликованы воспоминания Петра Константиновича Иванова, в которых, помимо прочего, рассказывалось и о знаменательном предсмертном сне умершего в марте 1948 г. философа-эмигранта Николая Александровича Бердяева. По словам самого Бердяева, он будто бы «сидел в купе экспресса, мчащегося в Россию. Уже виднелись русские поля. Вдруг я оглянулся, Тут же в купе, в двух шагах от меня стоял Христос в белой одежде... И я проснулся».

Конечно, можно и сомневаться в свидетельстве мемуариста. Однако прошедшее после его обнародования время по-своему иллюстрирует его знаменательность. Действительно, спустя сорок лет после кончины, Бердяев действительно «вернулся» в Россию. Его сочинения были широко опубликованы в нашей стране. А некоторые из них, особенно «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея», вызвали широкий общественный резонанс. Лет на семь – десять Бердяев вошел в обиход модных и авторитетных авторов для значительного числа философов, историков, культурологов и представителей других гуманитарных специальностей.

Но вот прошло уже семь десятилетий после смерти Николая Александровича. И в 2018 г. в России откликов на эту дату было уже немного. Нет, настоящие знатоки Бердяева и в нынешней России не игнорируют. В контексте изучения его наследия только за последнее десятилетие появились весьма интересные изыскания. Однако Николай Александрович Бердяев уже давно перестал быть широко читаемым автором. И это вполне понятно.

Думается, можно утверждать, что в современной России еще не извлечены уроки из многих потрясений, пережитых нашей страной в XX столетии. Еще слишком многих восхищают дела и свершения «великого Сталина». Еще не постигнуты тайны Второй мировой войны. Очень многие все еще недоумевают о подлинных причинах распада СССР. «Мыслящая», а тем более «немыслящая», Россия все еще не освоила духовное, культурное и интеллектуальное наследие Русского Зарубежья. А потому столь многие продолжают горевать над развалинами Советского Союза. Не забывая при этом жадно поглощать приходящие извне новые модные поветрия.

Вероятно, все это неизбежно, пока Россия не обретет саму себя. Для чего, помимо всего прочего, требуется учесть и немаловажный опыт «России вне России», т. е., Зарубежья. И пока нынешняя Россия по-настоящему не повернется ко Христу. Ибо ведь и сама «русскость» без веры Христовой не более чем фикция, фантом.

В решении такого рода задач не следовало бы игнорировать и наследие Николая Бердяева. О России Николай Александрович писал много и спорно. Но зачастую и весьма метко. А без веры Христовой творчество зрелого Бердяева и представить себе невозможно. Пусть даже известный богослов Русского Зарубежья архимандрит Киприан (Керн) и назвал его «верующим вольнодумцем». Так что в самом главном можно было бы согласиться с оценкой еще одного известного ученого из блестящей плеяды русской эмиграции, Питирима Сорокина, который после анализа творческих поисков Н. А. Бердяева пришел к следующему выводу: «...только потенциальная религиозность России в сочетании с постоянным страданием и осознанием глубины кризиса могут помочь России найти путь религиозного преобразования жизни вместо гниющей нетворческой цивилизации или варварства».

Е. А. Фролова,

профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В НЕОКАНТИАНСКОЙ ТЕОРИИ В. М. ХВОСТОВА

Рассматриваются проблемы общественного идеала в русской философии права на примере этической теории В. М. Хвостова. Показан вклад отечественного юриста в науку о праве рубежа XIX–XX вв., – оригинальное сочетание неокантианской методологии с достижениями социологии этого времени.

Ключевые слова: Хвостов, философия права, юриспруденция, неокантианство, право, социальный идеал.

E. A. Frolova,

professor, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

SOCIAL IDEAL IN NEO-KANTIAN THEORY OF V. M. KHVOSTOV

The article deals with the problems of the social ideal in the Russian philosophy of law by the example of Khvostov. The contribution of the domestic lawyer to the science of the law of the turn of the XIX–XX centuries is shown: the original combination of neo-Kantian methodology with the achievements of the sociology of this time.

Key words: Khvostov, philosophy of law, jurisprudence, neo-Kantianism, law, social ideal.

Тема поиска общественного идеала на рубеже XIX–XX вв. была широко востребована в русской философии права [1, 2, 4, 5, 6]. Свой вклад в понимание социального идеала было внесено теорией В. М. Хвостова.

Русский правовед Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) занимался проблемами теории, философии, социологии права. С неокантианских позиций он исследовал проблемы социума, дополняя методологию неокантианцев (право – культурная ценность) достижениями в области социологии этого времени. Общество и государство, полагал он, возникают в результате процесса, который обусловлен, с одной стороны, волей и целями входящих в этот союз индивидов, с другой – зависит от условий внешнего мира. Несмотря на то, что каждая личность есть самостоятельный центр психической жизни, тем не менее, общество – это социальный организм, который не определяется всецело волей образующих его членов. Оно состоит из взаимодействий разного уровня (из социальных движений образуется социальная деятельность, дающая социальные продукты: язык, право, науку и др.) [7, с. 40]. Общественный порядок, рассуждал правовед, по принципу эволюции не остается неизменным – с развитием культуры меняется строение человеческого общества, усложняются внутренние отношения между его членами, получает более рациональный характер порядок управления обществом. Для создания и поддержания этого порядка государство стремится определить «место каждого индивида в государстве, задачи сложного целого и функции его частей» – таким образом появляются разнородные социальные нормы, которые Хвостов сводит к трем основным группам: праву, нравам, морали. Социальные нормы отличны от законов природы. Последние носят неизменный характер и не подлежат нарушению со стороны воли человека. Социальные нормы обращены к человеческой воле, изменяемы и нарушаемы.

Рассуждения о различиях законов природы и социальных норм были хорошо известны в философии права к концу XIX века, поэтому суждения Хвостова по данной теме сложно отнести к революционным в сфере методологии науки начала XX века. К его заслугам можно отнести другой момент, который был связан с неокантианской оценкой человека и общества. Русский юрист показал обусловленность различий социальных законов и законов природы: в природе человек сталкивается только с механической причинностью, а жизнь социума определяется законами психической причинности (воля человека). Внутренняя жизнь человека и его развитие, разъяснял он, подчинены психическим законам, которые в конечном итоге формируют личность и ее отношение к внешнему миру. С этих позиций Хвостов утверждал, что свобода

человека заключается в возможности каждого лица быть деятелем, т. е. делать выбор между внешними побуждениями и влечениями. Этот выбор – дело каждого индивидуума. Задача социальных норм, в духе Канта утверждал русский юрист, состоит в направлении человеческой воли (в тех областях, где это необходимо, направлять действия индивида в согласии с требованиями социального идеала). Очевидно, что содержание социальных норм меняется с усложнением общественных отношений. Тем не менее, как подчеркивал отечественный правовед, при всем разнообразии социальных предписаний, общим руководящим началом в них является ориентир на человека как самостоятельную психическую единицу в общественной среде. Таким образом, социальная природа человека (вспоминая Аристотеля – человек есть существо общежительное) влияет на общий принцип эволюции социальных норм, который выражается, по мысли русского юриста, в социальном или этическом идеале.

Отстаивая индивидуальную свободу человека и самостоятельность его выбора, Хвостов выступает против крайностей индивидуализма, который может приводить к конфликтам в обществе: интересы личности, взятой в отдельности, могут не совпадать с интересами общества, рассматриваемого, как целого. Принцип социального идеала, полагал он, состоит в идее гармонического примирения запросов личности и общества – идеальное общество – это общество, благосостояние которого определяется благосостоянием образующих его личностей. Этот принцип образует идею высшей справедливости, с позиции которой подлежат оценке все социальные нормы.

Рассуждая о соотношении социального идеала и этической ценности входящих в него личностей, Хвостов рассматривает целевую деятельность человека. Дело в том, пояснял он, что не любая деятельность человека может и должна представлять собой этическую ценность. Необходимым условием такой ее оценки, замечал русский юрист, является ее согласованность с социальной природой человека: «Отдельный человек не должен преследовать таких целей, при которых делается невозможной жизнь всего общежития, к которому он принадлежит; все социальное целое не должно развигать своей деятельности в направлении, подавляющем личную свободу и самодеятельность» [7, с. 46]. Иными словами, свобода отдельного лица не должна нарушать свободу других лиц, а значит, не посягать на правовой порядок в обществе. Благосостояние каждого человека, с этих позиций, заключается в возможности каждым лицом развигать все свои свойства и задатки в гармонии с целями общества. Стабильность и благосостояние общества, неоднократно подчеркивает правовед, состоит в свободном развигании социаль-

ного целого на почве разнообразия задатков образующих его состав людей.

Данный принцип – это только отвлеченная формулировка тех тенденций, которые определяют процесс эволюции социальных отношений. Тем не менее, по замечаниям Хвостова, общежительная природа человека носит вневременной характер, поскольку природа человека, а значит, и его действия обусловлены столкновением двух начал: себялюбия, формирующим в человеке эгоцентризм, и сочувствием, создающим основу для альтруизма. Между этими природными началами в человеке возникают конфликты, но его социальная природа заставляет человека примирить их. Поэтому социальные нормы, убеждал правовед, нацелены на создание условий, способствующих снятию внутренних конфликтов в человеке и, как следствие, созданию внешнего стабильного порядка. Отсюда, полагал русский юрист, проистекает неодинаковая оценка как отдельных лиц (социально-состоявшихся и несостоявшихся), так и норм (справедливые и несправедливые); основу которой образует чувство справедливости – потребность найти гармоническое примирение эгоистических и альтруистических влечений [7, с. 47].

Обозначенный идеал, по мысли Хвостова, есть регулятивная идея, которая не может быть до конца осуществлена, но социальное продвижение по этому пути возможно и желательно. Как показывает история и состояние этического развития общества разных времен, запросы личности и общества свести в гармонию крайне сложно. Эгоистические стремления людей, как правило, берут верх над альтруистическими, а идеи общего блага приносятся в жертву личным побуждениям. Как замечает Хвостов, подобное происходит и на уровне социальных норм – очень сложно избежать влияния противоречивых и односторонних интересов; «воззрения господствующей партии нередко отражаются на законодательстве в ущерб высшей справедливости» [7, с. 48]. Отдельную сложность составляет усложнение общественной жизни по мере ее культурного развития – с изменением условий жизни меняются конкретные социальные проблемы, требующие своего решения с учетом высшей справедливости. В итоге можно заметить, что при всем релятивизме отношений в социуме, недостижимости идеала, которые показаны в философии русского мыслителя, все же само стремление к установлению наиболее справедливого порядка общежития, основу которого образует идея благосостояния всех его членов – остается неизменным во все времена. Иными словами, несмотря на то, что социальные проблемы разных обществ и эпох меняются, как меняются и способы их решений, но общий социальный идеал остается неизменным.

Анализируя проблематику этического идеала, В. М. Хвостов подчеркивает научность (не метафизику) поиска социальной справедливости, которая, как фактор исторического процесса, решительным образом влияет на развитие всех исторических процессов, в том числе, на право и государство. В отношении метафизики, философ замечал, что ее роль начинается тогда, когда задаются вопросы о смысле человеческого существования, о борьбе за справедливое право, о назначении человека и общества и др. На эти конечные проблемы миропонимания, полагал он, наука ответить неспособна – может только метафизика.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб., 1999.
2. *Гессен С. И.* Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998.
3. *Еллинек Г.* Конституция, их изменения и преобразования / пер. Б. Кистяковского. 1907.
4. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права / сост., прим., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998.
5. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996.
6. *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991.
7. *Хвостов В. М.* Общая теория права : элементарный очерк. 5-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
8. *Хвостов В. М.* Очерк истории этических учений : курс лекций. М. : КомКнига, 2016.
9. *Хвостов В. М.* Этика человеческого достоинства: Критика пессимизма и оптимизма. М. : КомКнига, 2016.

Е. В. Чернышева,

профессор, Челябинский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФОРМ КОНСОЛИДАЦИИ ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ

В постсоветское время возросло количество публикаций, посвященных земскому самоуправлению. Большой интерес исследователи проявляют к профессиональным съездам земских служащих; они анализируют причины, особенности и значение проведения съездов земских учителей и врачей.

Ключевые слова: земский учитель, земский врач, земские съезды, современная российская историография.

E. V. Tchernysheva,
professor, Chelyabinsk State University

MODERN APPROACHES TO STUDYING OF ZEMSTVO EMPLOYEES CONSOLIDATION FORMS

In Post-Soviet time the number of the publications dedicated to a zemstvo self-government increased. Researchers show a great interest to zemstvo employees professional congresses; they analyze the reasons, features and value of carrying out of zemstvo teachers and doctors congresses.

Key words: zemstvo teacher, zemstvo doctor, zemstvo congresses, modern Russian historiography.

Получившие распространение в постсоветское время концепции гражданского общества и публичной сферы как в практической политике, где они помогали прогнозировать эволюцию российского государства в направлении либеральной демократии, так и в науке, послужили для ученых аналитическими категориями в изучении истории земского самоуправления. В литературе, посвященной земству и земским служащим, интерес к парадигме формирования гражданского общества обусловил внимание авторов к съездам земских специалистов как одному из ярких проявлений общественной инициативы и земской интеграции. По словам историка В. Ю. Кузьмина, именно профессиональным съездам «удалось реализовать проблему объединения земств Российской империи» [8, с. 95].

В представленных в новейшее время материалах по истории земств и земских служащих нашел подтверждение исторический факт, что наибольшее число профессиональных форумов провели земские учителя. В. Ф. Абрамов подсчитал, что с 1867 по 1914 г. состоялось свыше 4,5 тыс. губернских и уездных съездов земских учителей и деятелей по народному образованию, до 20 областных и 2 общеземских съездов по вопросам просвещения [1, с. 127].

На втором месте по количеству проведенных съездов были земские врачи. В. П. Мельников сообщает, что с 1871 по 1905 г. в 34 губерниях с земским самоуправлением состоялся 301 форум медицинских работников [12, с. 19]. Профессиональные съезды земских служащих автор расценивает с политической точки зрения, как фактор консолидации земских либеральных сил для противостояния бюрократии и защите гражданских институтов. Эта ангажированная, на наш взгляд, оценка выглядит неуклюже, применительно к сведениям, сообщенным тем же автором о том, что земские ветеринары до начала первой русской революции провели 158 съездов, страховые агенты – 110, агрономы – 87,

инженеры и техники – 44 [12, с. 18]. В подтверждении своих доводов В. П. Мельников не приводит ни одного постановления такого съезда, которое бы показывало, что его участники поднимали вопросы институциональных гарантий гражданского общества или обсуждали политические проблемы. Факт проведения съезда по профессиональной линии с участием земских служащих, который мог быть созван и по инициативе местной администрации, и проходить с ее участием, нельзя интерпретировать как проявление оппозиционности его участников.

Известно, что по принципу организации профессиональные съезды, в которых принимали участие земские служащие различных специальностей, имели много общего. Как правило, они проходили в губернском городе; санкцию на их проведение давала администрация; проезд и проживание участников финансировало местное земство; заседания были публичными; в их работе могли участвовать не только профильные земские специалисты, но и все сведущие в предметах занятий съезда или интересующиеся таковыми; кроме общих собраний, участники могли устраивать частные или секционные заседания; работу съезда освещала пресса. Тщательное изучение процедур и техники организации съездов с участием земских служащих позволило современным историкам выявить ряд существенных отличий в их работе.

Установлено, что съезды земских учителей стали проводиться раньше остальных. Историки Л. М. Артамонова, П. В. Галкин, М. Д. Масанова отмечают, что основной целью их проведения было повышение образовательного уровня и методической квалификации учителей земских школ, который изначально был очень низок [3, с. 14; 5, кн. 1, с. 364; 11, с. 36]. Инициатива проведения таких собраний принадлежала главным образом губернским земствам, но она могла исходить и от администрации учебного ведомства. Г. Б. Азаматова приводит данные о том, что в 1881 г. по предложению инспектора народных училищ Златоустовского уезда были организованы педагогические курсы для учителей начальных школ в Златоусте и в селе Тастуба [2, с. 171]. Кроме того, инициаторами созыва съезда учителей начальных школ могли выступать состоятельные люди, подвижники народного образования, которые финансировали учительские собрания. Наиболее часто встречаются имена тверского деятеля П. П. Максимовича и екатеринославского – Н. А. Корфа.

Стоит иметь в виду, что понятие «съезд», использовавшееся в дореволюционной литературе в отношении региональных собраний учителей земских школ носило условный характер. Как замечает историк М. Ф. Соловьева, рассмотревшая официальную переписку директоров начальных народных училищ и попечителей учебных округов, понятие

«съезд» употреблялось как синоним слова «курсы». Однако, пишет автор, при утверждении программы организуемых земствами «съездов» и «курсов» администрация отдавала предпочтение курсам, в то время как земства и приглашенные педагоги – руководители курсов, после официального разрешения, придавали занятиям на курсах характер съезда [15, с. 14]. На наш взгляд, позиционирование собраний начальных учителей как «съездов» способствовало формированию положительного имиджа данного земства в глазах либеральной общественности. Такое явление как «съезд» общественных деятелей, ученых, исследователей не только для России в. п. XIX в., но и для европейских стран, было новым. Таким образом, осуществлявшаяся руководителями ряда земств «игра в определения» при идентичности внутреннего содержания проводимых мероприятий говорит о формировании нового языка, выразившего излюбленные либеральные идеи, а также о продвижении негосударственного образовательного проекта, в котором особое значение придавалось новым концептам и смыслам.

Термин «съезд», использовавшийся применительно к уездным и губернским собраниям учителей, вводит в заблуждение многих современных авторов. В исторической литературе четких различий между земскими педагогическими съездами и курсами не установлено, однако исследователи с большей симпатией и интересом относятся именно к съездам, полагая за ними общественный и педагогический вес, а также активную позицию участников. Так, В. Ф. Абрамов утверждает, что учительские съезды со временем вышли за рамки чисто методических, явившись одной из форм общественного участия в развитии народного образования, фактором профессионального и культурного роста учительства, способствовали привлечению внимания общественности к нуждам земской школы, оказывали моральную поддержку народному учительству [1, с. 126]. Еще дальше в превозношении значения учительских съездов идет М. Ф. Соловьева. Она уверена, что съезды служили «средством обобщения массового опыта и внедрения новых педагогических идей, поскольку их решения являлись обязательными для исполнения на местах» [15, с. 13]. Однако это утверждение неверно. Учительские съезды не были представительными собраниями, не имели властных полномочий, а носили прежде всего просветительный характер.

Историками не берется в расчет позиция сельского учителя, его отношение к съездам и курсам, его оценка эффективности их проведения. В свое время голос земского учителя редко доходил до публики, практически не рассматривается он в отечественной историографии и сейчас. Между тем, вопрос о том, кем ощущал себя учитель на педагогическом съезде, имеет огромную важность. Известно, что в среде

земских учителей была большая текучесть кадров. Какой-либо статистики, показывающей, как складывалась дальнейшая учительская карьера слушателей и участников курсов и съездов, нет. Раскрытие этого вопроса поможет, на наш взгляд, уяснению степени эффективности проведения учительских форумов и оправданности немалых затрат земств на их проведение.

Совершенно иными были обстоятельства проведения совещаний и съездов земских врачей и статистиков, которые являлись одними из наиболее квалифицированных и высокооплачиваемых земских специалистов. Их близкое с руководителями земств социальное происхождение, сходный интеллектуальный и культурный уровень, а иногда и общие политические устремления ставили представителей этих профессиональных групп в земстве в особое положение. Земские управы и собрания, разрабатывая и утверждая планы статистических исследований и медицинских мероприятий, считали необходимым обращаться за советом к специалистам, для чего и организовывались совещания, перераставшие затем в региональные съезды. Сдерживающим фактором для таких совещаний на начальном этапе деятельности земств была малочисленность специалистов, а иногда, как отмечает С. А. Куковякин, в отношении медицинского персонала северных губерний России, «значительный размер территории врачебного участка при плохой транспортной инфраструктуре» [9, с. 23–24].

По мнению Л. А. Жуковой, П. В. Полякова, Т. Ю. Шестовой причиной созыва врачебных форумов была естественная потребность в обобщении накопленного опыта, обмене мнениями с коллегами в решении врачебно-бытовых и санитарных задач [5, кн. 1, с. 399–421; 14, 16]. Инициатива проведения съезда могла исходить как от земских управ, так и от самих медиков. Историки подчеркивают, прежде всего, большую практическую и культурную значимость таких собраний для развития земской медицины. По мнению Т. И. Волковой, проведение съезда и публикация о нем в печати «поднимали авторитет земских медиков в глазах общественности, способствовали складыванию той нравственной атмосферы в обществе, когда врач был уверен, что его знания и труд не пропадут даром, не останутся никем не замеченными» [4, с. 36].

Как показывают исследования, помимо профессиональных функций, съезды земских врачей имели и общественно-политическое звучание. Они стали трибуной, с которой врачи заявляли о себе как об организованной общественной силе, отстаивали свои корпоративные интересы, выражали профессиональные, а иногда и политические требования, оказывали давление на земские собрания и управы, а также на органы государственной власти. Нередко на съездах выносились резолю-

ции, которые противоречили действующему в России законодательству. Т. В. Лукьянова фиксирует решения земских медицинских форумов Пензенской, Нижегородской и Тамбовской губерний об увеличении жалования врачам, предоставлении оплачиваемых научных командировок, устройстве библиотек и книжных складов при земских управах [10, с. 17]. Аналогичные решения выносились на съездах земских врачей и в других губерниях. Между тем по Положению 1864 и 1890 гг. вопросы оплаты труда земских служащих, выбор направления практической деятельности земства и формы ее организации принадлежали исключительно земским собраниям.

Стремление медицинских съездов обеспечить невмешательство земских управ в работу врачей с предоставлением им права решать не только медицинские, но и финансовые, организационные и кадровые вопросы, попытки навязать земским собраниям свои решения, а также критика врачами культурных мероприятий земства, как замечают историки, вызывали периодические конфликты между земствами и врачами. В итоге, как установили С. Ю. Истомина и В. Ю. Кузьмин, земства прекращали на время финансирование медицинских съездов, а несогласные с этим врачи предпочитали уволиться с работы [6, с. 20; 8, с. 86]. Стоит заметить, что в современных исследованиях история земских медицинских съездов рассматривается поверхностно. Специальных монографий по этой проблеме не написано, цели, стратегии и предпочтения земских санитарных и участковых врачей, как в региональном, так и национальном измерении, изучены слабо.

Библиографический список

1. *Абрамов В. Ф.* Российское земство: экономика, финансы и культура. М. : Ника, 1996. 166 с.
2. *Азаматова Г. Б.* Уфимское земство (1874–1917) Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа : Гилем, 2005. 252 с.
3. *Артамонова Л. М.* Просвещение, власть и общество в русской провинции XIX в. (Юго-восточные губернии европейской России) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.
4. *Волкова Т. И.* Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865–1918 гг.). Ярославль : ЯрГУ, 1998. 88 с.
5. Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Г. Королева. М. : Наука, 2005.
6. *Истомина С. Ю.* Земское здравоохранение в Тамбовской губернии: 1864–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
7. *Кривонос М. А.* Мятежное земство. Тверь : Литер-М, 2001. 328 с.
8. *Кузьмин В. Ю.* Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.). Самара : Самарский университет, 2003. 392 с.

9. *Куковякин С. А.* Земская медицина северных губерний Европейской России : автореф. дис. ... д-р мед. наук. М., 1998.
10. *Лукьянова Т. В.* Формирование медицинской интеллигенции Мордовии во в. п. XIX – п. п. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2002.
11. *Масанова М. Д.* Земства и начальная народная школа, 1865–1881. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2000. 48 с.
12. *Мельников В. П.* Земское управление как проявление либеральной тенденции в политическом развитии России: опыт, исторические судьбы и уроки. М. : Российская академия управления, 1993. 73 с.
13. *Низамова М. С.* Казанское земство в конце XIX – начале XX в.: местное самоуправление и земское общественное движение. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003.
14. *Поляков П. В.* Медицинская интеллигенция Тульской губернии (1864–1900) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2005.
15. *Соловьева М. Ф.* Учитель земской школы. Киров : ВятГГУ, 2004. 101 с.
16. *Шестова Т. Ю.* Становление и развитие здравоохранения на Урале в XVIII – начале XX в. : (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курган, 2004.

Т. А. Чикаева,

доцент, Московский художественно-промышленный институт

ОПРАВДАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Систематизируется ответ отечественной социально-научной и философской мысли на обвинения патриотизма в препятствии объединению народов и торжеству прав человека. Делается вывод о положительной ценности патриотизма в современном обществе.

Ключевые слова: патриотизм, общечеловеческие ценности, личность, духовная ценность, Родина, права человека.

T. A. Chikaeva,

associate professor, Moscow Art-Industrial Institute

JUSTIFICATION OF PATRIOTISM IN RUSSIAN THOUGHT

The article systematizes the response of Russian socio-scientific and philosophical thought to accusations of patriotism in preventing the unification of peoples and the triumph of human rights. The conclusion is made about the positive value of patriotism in modern society.

Key words: patriotism, universal values, personality, spiritual value, homeland, human rights.

Современное российское общество в настоящее время поставлено перед серьёзной интеллектуально-нравственной дилеммой. С одной стороны на государственном уровне патриотизм провозглашён высшей ценностью и национальной идеей, а с другой довольно много авторитетных деятелей высказывает критически по отношению к патриотизму, полагая его препятствием для нормального развития личности, социальной группы, человечества в целом. Суммируя все негативные мнения о патриотизме можно выделить два основных обвинения, которые ему предъявляются.

Во-первых, патриотизм противопоставляется общечеловеческим ценностям, единству человеческого общества. Указывается, что в основе идеи патриотизма лежит сознательное и бессознательное разделение мира на свой и чужой [2, с. 19]. Патриотическое отношение к своему Отечеству способно привести только к разрушениям, поскольку, по глубокому убеждению Л. Н. Толстого стимулирует нанесение другим народам вреда [15, с. 55], а, следовательно, создаёт препятствия для объединения народов мира.

В современный период Я. А. Слинин развивает тезис о том, что ограниченные патриотические ценности перестали быть реальными ценностями и поддерживаются только искусственно. По его мнению, сейчас, когда мир подошёл к формированию нового общества на основе общечеловеческих ценностей, патриотизм может быть только негативным, сдерживающим фактором этого процесса [13]. Т. В. Беспалова указывает на часто встречающееся отождествление патриотизма с национализмом и черносотничеством [1, с. 19].

Второе обвинение патриотизма заключается в том, что он противостоит правам человека, отрицает ценность единичной личности. Патриоту предписывается отказ от собственного мнения, собственной индивидуальности. Л. Н. Толстой прямо отождествляет его с рабством [15, с. 62]. Ценность Родины не может, с его точки зрения, сочетаться с признанием ценности личности [11, с. 15].

Лучшее возражение на предъявленные обвинения уже дано в отечественной философии и социально-научной мысли XX–XXI века. Исходным тезисом оправдания патриотизма по первому пункту следует назвать признание Родины духовным объектом и утверждение того, что духовный, осмысленный патриотизм противостоит стадно-политическому инстинкту, который свойственен шовинизму и национальному самомнению [7, с. 318]. И. А. Ильин отвергает любые попытки противопоставить патриотизм общечеловеческим ценностям. Он указывает, что «истинный патриот любит дух своего народа и гордится им... именно потому, что каждое духовное достижение... есть достояние обще-

ловеческое, которое может объединить на себе взоры, и чувства, и мысли, и сердца всех людей, независимо от эпохи, нации и гражданской принадлежности» [7, с. 325].

Квасной патриотизм, предписывающий любить всё то, что относится к своему, каким бы оно не было по качеству, для мыслителя неприемлем. Патриотизм как духовная любовь «вообще не предаётся беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой». Самодовольство и самомнение не совместимы с патриотизмом. Патриот видит все недостатки, но критикует их озабоченно, без злорадства, стремясь и самому преодолеть их, так как не отделяет себя от своего народа [8, с. 198–199]. Патриот не просто любит Отечество, но любит его дух, общечеловеческое в нём, то, что значимо и для других народов. Истинный патриотизм не отвергает ценности других, напротив, патриот стремится узнать об их духовных достижениях и обогатить ими свою жизнь [7, с. 326]. Не понимать того, что своя Родина – не единственное сосредоточение духа могут, как раз духовно-слепые люди, лишённые патриотизма и правосознания [7, с. 327–328].

Сходную точку зрения отстаивает В. С. Соловьёв, указывающий, что истинный патриот – это человек, который следует нравственным ценностям и любит в народе то, чем он может послужить всему человечеству, то есть его идею, и не предпочитает материальные выгоды нравственным требованиям. Патриот «не вправе разрывать солидарность с другими народами, презирать или ненавидеть чужеземцев» [16, с. 114]. Утверждая высший нравственный идеал, В. С. Соловьёв указывает на то, что мы должны любить всех людей, которые не существуют вне народностей и делает логический вывод о том, что «мы должны любить все народности, как свою собственную» [14, с. 437–438].

Неприятие ксенофобии для патриота подчёркивает Б. К. Зайцев. По его утверждению «Любить – не значит превозноситься. Сознать себя «помнящими родство» и наследниками величия не значит ненавидеть и презирать другие народы, иные расы» [12, с. 386].

Подлинное объединение народов в единый живой сложный иерархический организм, как считает С. Л. Франк, лежит ни на пути ослабления национального сознания и патриотической идеи, а при посредстве последнего [18, с. 114].

В XX веке Д. С. Лихачев чётко отграничил патриотизм от национализма, указав, что в первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим. Патриотизм, по мнению Д. С. Лихачева не требует и не совмещается с ненавистью, враждебностью к другим народам [10, с. 20].

В 2016 году Р. Ш. Хасанов и А. Т. Степанищев подчёркивают, что культура патриотизма не приемлет агрессивные заявления, не призывает к демонстрации силы и угрозы, а, напротив, исходит из необходимости делать добро всем людям земли, утверждая их равенство [19, с. 116].

Выводы отечественных мыслителей являются не просто следствием рассуждений, исходящих из понимания Родины как высшей объективной ценности. Они подтверждаются данными социологических опросов, которые показывают, что патриотизм не сопряжён с агрессией или равнодушием к другим странам, народам, культурам. На терпимость, как значимое качество патриота указали 34 % респондентов, тогда как национализм, шовинизм, равнодушие к другим культурам, агрессивность в качестве неотъемлемых качеств патриота называли соответственно 7,6, 5,1 и 4,8 % принявших участие в опросе [5, с. 30].

Другое обвинение патриотизм также находит существенный противовес в концепциях отечественных философов. Прежде всего, они отрицают возможность исключения личности из процесса формирования и развития патриотизма, насаждения его принудительно, в результате подавления личности государством или иным политическим субъектом. По утверждению И. А. Ильина только самостоятельный, самобытный духовный поиск личности является предпосылкой истинного патриотизма [7, с. 320], следовательно, особенностями личности, её индивидуальностью невозможно пренебрегать.

Рассуждая о сочетании ценностей Родины и прав человека, С. Л. Франк приходит к выводу, что их противостояние надумано. Философ указывает, что на первый взгляд «святыня родины»...противостоит «священным и неотъемлемым» «правам личности». Поскольку эти два начала воспринимаются как высшие и последние, между ними не может быть примирения; общество как бы обречено на вечное колебание между... деспотизмом... и... анархией [18, с. 110]. Но, как совершенно справедливо замечает С. Л. Франк, ни одно из этих начал, ни «я», ни «мы», немислимо одно без другого, и в случае поражения одного, «побежденный увлекает в своём падении победителя, и они гибнут вместе [18, с. 110–111]. Разрешение противоречия мыслитель видит в соборности, где «я» и «мы» не противостоят друг другу..., а как бы пронизывают друг друга и испытывают как внутренние, взаимно питающие друг друга силы [18, с. 111].

Для Д. С. Лихачева патриотизм – творческое начало, способно вдохновить всю жизнь человека, «это тема, если можно так сказать, жизни человека, его творчества» [9, с. 137].

Современный философ С. Ю. Иванова подтверждает то, что патриотизм формируется в личностном акте и является напряжением

творческих сил личности [6, с. 41]. Патриотизм не только не препятствует развитию личности, но и предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса позитивных качеств» [6, с. 62]. Патриотизм, по её мнению, не отрицает субъектности личности, не растворяет её в общей людской массе. Исследователь подвергает жёсткой критике тезис А. Н. Яковлева, рассматривающего в качестве субъекта патриотизма только всё населения страны в целом [6, с. 66].

Патриотизм вовсе не ведёт к пренебрежению и нивелированию ценностью человеческой индивидуальной жизни. Родина – не Молох, требующий жертв. Смерть за Родину не единственное, и не всегда наиболее ценное из того, что может дать ей патриот. Как высшая ценность, порождающая и заботящаяся, Родина может требовать от патриотов «жизни, хотя быть может и тяжёлой, – а не смерти» [13, с. 55].

Сегодня патриотизм признаётся наиболее оптимальной формой развития личности, способной преодолеть значительные недостатки homo consumer. А. Н. Вырщиков и М. Б. Кусманцев пишут по этому поводу: «Если потребитель или обыватель, ориентированный на рыночные отношения как основные, способен лишь адаптироваться к современному обществу, ... то патриот нацелен на освоение этого общества, на творческий подход к решению его проблем...» [4, с. 5].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что патриотизм не только поддерживает ключевые права личности, но и создаёт предпосылки для их совершенствования условий их реализации. Патриотизм не подавляет личность, он, напротив, позволяет ей раскрыть свою особенность, индивидуальность. Патриотическое воспитание противопоставляется воспитанию глобализирующему, космополитическому. Результат такого воспитания описывает Р. Рорти: «Наш идеал – безродные космополиты... «Человек без свойств» – вот результат глобализации, доведённой до своего логического завершения...»? [3, с. 13]. Отсюда вытекает тезис, что патриотическое воспитание поддерживает права человека, направлено на сохранение человеческих качеств личности, его творчества и свободы.

Выводы отечественных мыслителей подтверждаются общественной практикой, примерами реального равноправного сотрудничества народов, ведущего к взаимному творческому развитию, качеством когнитивных, нравственных, поведенческих качеств личности, обладающей патриотическим сознанием.

Справедливым будет признание патриотизма актуальной ценностью, способствующей развитию личности, нации и всего человечества, а обвинения его в противостоянии общечеловеческим ценностям и правам личности несостоятельными.

Библиографический список

1. *Беспалова Т. В.* Патриотизм и нация как источники моральной мотивации в национализме. Ч. 1 // *Философия права*. 2012. № 4 (53).
2. *Воркачев С. Г.* Страна своя и чужая идея патриотизма в лингвокультуре : монография. М. : ИНФРА-М, 2013.
3. Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы / под общ. ред. С. В. Дармодехина и А. К. Быкова. М. : Государственный НИИ семьи и воспитания, 2007.
4. *Вырщиков А. Н., Кусманцев М. Б.* Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе // *Известия ВПГУ. Педагогические науки*. 2015. № 3 (98).
5. *Гузенина С. В.* Державность и народный патриотизм как фундаментальные составляющие российского менталитета // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2012. № 2, т. 106.
6. *Иванова С. Ю.* Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2003.
7. *Ильин И. А.* Родина и мы. Смоленск : Посох, 1995.
8. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : Рус. кн., 1993. Т. 1.
9. *Лихачев Д. С.* Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М. : Российский Фонд Культуры, 2006.
10. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М. : Детская литература, 1989.
11. Патриотизм в системе духовно-нравственной культуры общества: история и современность : материалы Всероссийской межвузовской конференции, 28 марта 2012 г. Н. Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2012.
12. Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья : в 2 т. М. : Искусство, 1994. Т. 1.
13. *Слинин Я. А.* Россия и общество будущего // Я (А. Слинин) и МЫ : к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слиннина. Сер.: Мыслители. Вып. 10. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html>. (дата обращения: 11.03.2016).
14. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М. : Институт русской цивилизации : Алгоритм, 2012.
15. *Толстой Л. Н.* Статьи о патриотизме. М. : Единение, 1917.
16. *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание В. С. Соловьева. М. : Медиум, 1995. Т. 2.
17. *Устрялов Н. В.* борьбе за Россию : сборник статей. Orange (USA) : Антиквариат (Antiquary), 1987.
18. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.
19. *Хасанов Р. Ш., Степанищев А. Т.* К вопросу о культуре патриотизма // *Военный академический журнал*. 2016. № 1 (9).